

[Polaris]

Dark Day

THESE ARE THE
THESE ARE THE

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

MI

Salamandra P.V.V.

**Давид
ДАР**

ГОСПОДИН ГОРИЛЛИУС

Фантастическая
повесть

Salamandra P.V.V.

Дар Д. Я.

Господин Гориллиус: Фантастическая повесть. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 104 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. М1).

В книгу вошел фантастический антифашистский памфлет ленинградского писателя и известного наставника и покровителя неофициальных литераторов Д. Я. Дара «Господин Гориллиус» (1941), написанный и изданный в первые месяцы войны.

© D. Dar, estate, 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Д. ДАР

**ГОСПОДИН
ГОРИЛЛУС**

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
1941

**ГОСПОДИН
ГОРИЛЛИУС**

ПРЕДИСЛОВИЕ

При занятии нашими войсками местечка Н. на площади был обнаружен труп неизвестного солдата, одетого в форму германо-фашистских стрелковых частей. По словам местных жителей, этот солдат был расстрелян фашистским командованием за «большевизм».

В сумке убитого найдена толстая тетрадь, заполненная убористыми записями на немецком языке. Мой товарищ, лейтенант К., зная мои литературные наклонности, передал мне эту тетрадь.

Заинтересовавшись рукописью, я перевел ее на русский язык и, обработав стилистически, предложил издательству выпустить ее в свет, считая, что в наши дни она не лишена общественного интереса.

Глава первая

ЭКСПЕДИЦИЯ ДОКТОРА ПИККЕРИНГА

Мои дорогие читатели, я взял на себя тяжелую и неблагодарную задачу рассказать вам эту совершенно невероятную и фантастическую повесть, которая является, однако, сущей правдой от первой и до последней строки.

Не такое сейчас время, чтобы шутить и выдумывать. Как бы мы ни умели выдумывать, а великая выдумщица жизнь столько нагородит невероятного, что, право, не угнаться за нею ни Жюль Верну, ни Герберту Уэллсу, а мне и подавно.

События, описанные в моей повести, начались еще в то благословенное время, когда цивилизованный мир, устав от первой империалистической войны, наконец вспомнил, что помимо убийств существуют и иные увлекательные занятия. И, вспомнив это немаловажное обстоятельство, культурные страны наперебой стали создавать различные ценности, восстанавливая свое довольно потрепанное благополучие.

Чего только не было изобретено за эти благословенные годы! И автоматические подтяжки, расстегивающиеся в самое нужное время, и застёжки «молния», и портативные карманные вешалки, позволяющие в любое время и в любой обстановке, вынув из кармана вешалку, повесить на нее все, что только заблагорассудится: начиная от собственной шляпы и кончая собственным бранным телом. Какое удобство! Какой комфорт!

На одной шестой части света была Советская страна. А что такое Советская страна — в наше время знает каждый младенец, и нет мне нужды рассказывать вам о Советской стране.

И еще — в самом центре Европы, в большом столичном городе жили три человека, три друга: наивный и восторженный музыкант Авраам Равинский, тридцатипятилетний юноша, который умел видеть музыку, как другие видят кар-

тины. Он создавал в то время изумительную симфонию, симфонию человеческой гордости и величия человеческого духа.

Из широкого окна его комнаты была видна старинная площадь. На ней возвышался музей. Старый хранитель этого старого музея, сморщенный сухонький старичок, с шнурочком вместо галстука, Роберт Ван Барро, был прославленным художником, который умел слушать картины, как другие слушают музыку. Всю жизнь провел он среди безжизненных вещей, боготворя живого человека, создавшего этих замечательных мертвецов.

Часто по вечерам он приходил к Аврааму Равинскому слушать его музыку и говорить с ним о судьбах человечества. И нередко к ним присоединялся мудрый историк Давид Дерви. Свою трудную жизнь отдал он изучению прошлого, чтобы предсказать будущее. Давид Дерви верил в блестящее будущее человечества. Он знал все пути и тропы и извилины троп, по которым шло человечество к своему могуществу, и он знал еще, что через горы трупов, океаны крови, через язвы и мор, но придет человечество к счастью, какого еще не знал мир.

И все бы шло своим чередом, если бы не этот доктор Пиккеринг, который испортил все дело своим путешествием в дебри джунглей Нижней Гвинеи.

О, с каким гневом и с какой страстью нарисовал бы я перед вами его портрет, если бы представилась в этом нужда! Но зачем это делать, когда имя Пиккеринга хорошо известно всему просвещенному человечеству. Кто не помнит его портретов, печатавшихся в журналах и газетах? Кто не помнит его обезьянообразного лица, с маленьким покатым лбом, глубоко сидящими глазами и сильно выдающимися скулами?

Это о его научных работах газеты помещали большие статьи и маленькие заметки под кричащими заголовками:

«Пиккеринг против Дарвина!»

«Талантливое опровержение низменной клеветы на человечество! Доктор Пиккеринг доказал, что человек и обезьяна не состоят в родстве!»

Как вам, наверное, известно, этот популярный ученый посвятил свою жизнь изучению человекообразных обезьян.

Еще будучи студентом Брюнхенского университета, доктор Пиккеринг нередко говорил: «Я буду считать не напрасно прожитой свою жизнь, если смогу доказать неопровержимыми фактами, что я не произошел от обезьяны».

Я не знаю, почему доктор Пиккеринг поставил перед собой именно эту жизненную задачу и следует ли это связывать с его собственной обезьяней наружностью. Только надо признаться, что, даже прожив большую часть своей жизни, он убедил далеко не всех в том, что произошел не от обезьяны, ибо стоило взглянуть на него, чтобы подумывать обратное.

Слава пришла к доктору Пиккерингу довольно рано. Вы прекрасно понимаете, что такая актуальная и волнующая проблема, как «Психоморфология обезьяньих глистов, в отличие от психоморфологии человеческих глистов», не смогла не привлечь внимания всего передового человечества и не стяжать ее автору бессмертной славы.

Несколько толстых научных трудов доктора Пиккеринга были посвящены этой волнующей проблеме. Во всех этих трудах автор так убедительно и так тщательно доказывал превосходство человеческих глистов перед обезьяньими, имея в виду превосходство самого человека перед обезьяной, будто сам не был в этом совершенно уверен.

Теперь доктор Пиккеринг решил приступить к следующему труду, специально посвященному испражнениям обезьяньих глистов.

Пиккеринг рассчитывал, что, доказав принципиальное отличие кала обезьяньих глистов от кала человеческих глистов, он вобьет последний гвоздь в гроб Чарльза Дарвина. И каждый человек сможет сделать неопровержимый вывод, что не человек произошел от обезьяны, а — если иметь в виду самого Пиккеринга и его человекообразных родителей — уж скорее обезьяна произошла от человека.

Но для того чтобы разрешить такую дерзкую научную проблему, необходимо собрать как можно больше факти-

ческого материала. И вот доктор Пиккеринг задумал предпринять грандиозную экспедицию в Нижнюю Гвинею за калом обезьяньих глистов. Благородная цель! Высокая задача!

Страна, сыном которой был Пиккеринг, горячо поддержала идею экспедиции. Газеты посвятили предстоящей экспедиции большие статьи и подняли вокруг нее такой шум и трескотню, как будто кал глистов стал предметом первой необходимости.

Тридцать ученых обратились к народу с воззванием. Это воззвание начиналось так:

«Люди! Неужели вас не оскорбляет, неужели ваше человеческое достоинство может терпеть, что Дарвин назвал вас отпрысками обезьян? Люди! Мы этого терпеть больше не хотим. Мы не хотим ничем быть обязаны этим мерзким, грубым, нечистоплотным и безнравственным животным».

«Мы обращаемся ко всему человечеству. Жертвуйте на эту экспедицию. Пусть она будет крестовым походом против большевистских учений. Пусть она увенчает бессмертной славой нашу страну!»

И люди жертвовали. И вскоре на текущем счету доктора Пиккеринга собралась довольно кругленькая сумма. Тогда доктор Пиккеринг проникновенно сказал:

— Ну, дорогая Элизабет, час пробил, история призывает меня к свершению бессмертного подвига, ради которого я живу.

Надо сказать для непосвященных, что Элизабет Пиккеринг — это супруга доктора Пиккеринга.

Она принадлежала к типу тех терзающихся натур, которые всю жизнь ищут и не могут найти себя.

Элизабет Пиккеринг была законодательницей мод, вкусов и мнений в своей стране. Она была исключительно разносторонне образована. Изучила политэкономия, философию, рукоделие, домоводство, социологию, генеалогию всех аристократических семейств и десятки других наук.

Помимо того, что она была женой своего знаменитого мужа, она занимала еще почетный пост директрисы Института для благородных фокстерьеров и вице-президента

Общества для обеспечения безработных горничных розовыми ленточками на бюстгальтеры.

Несколько лет назад она выпустила небольшую книжку, называвшуюся «В поисках правды». В этой книжке она подробно описывала свои терзания, тщетные поиски душевного равновесия и места для своего «я». Она нашла его в Институте для благородных фокстерьеров.

Однако даже не это составило ее славу. Ее славу составила ее добродетель. О, как была она добродетельна, дорогой читатель! О ее добродетели поэты слагали стихи, а композиторы — элегии и сонаты.

Рассказывают, — не знаю, можно ли верить, — что никто никогда не видел ее обнаженной шеи или обнаженных рук. А между тем она вовсе не была особенной красавицей. Нет, напротив. Мимо нее мужчины проходили довольно равнодушно, а иногда даже и сплевывали в сторону.

В общем — это была счастливейшая супружеская пара.

Доктор Пиккеринг безгранично уважал свою супругу и настолько считался с ее мнениями, что даже не решался высказать какую-нибудь мысль, предварительно не согласовав ее с супругой.

— Итак, во славу рода человеческого и рода пиккерингова! — восклицал доктор, суетясь и готовясь к отъезду.

Конечно, все идейное, оперативное и практическое руководство процессом упаковывания чемоданов лежало на очаровательной Элизабет.

Она сидела в высоком кресле, худая, строгая, не улыбающаяся, и, глядя на окружающих в свой черепаховый лорнет, повелевала:

— Вставные челюсти господина доктора положите в чемодан 32-бис... Картонку номер 08 поставьте на корзинку из серии В за номером 33. Не забудьте уложить яйцерезку, запонки и взбиватель для белков...

— Ты будешь, мой дорогой, — кокетливо улыбнулась она доктору, — обеспечен в экспедиции всем необходимым. Я-то уж ничего не забуду. . .

Когда упаковка чемоданов была закончена, состоялось трогательное прощание между супругами.

— Мой дорогой, — строго сказала Элизабет, — береги себя и запомни свой девиз, который следует упоминать во всех речах, статьях и интервью: «Человек и созданная им культура — шедевр божественного создания». Запомнил? Повтори.

После того как доктор много раз повторил и выучил наизусть свой девиз, Элизабет Пиккеринг нежно и целомудренно поцеловала его в лоб и проникновенно прошептала:

— А за меня, мой дорогой, ты можешь быть спокоен... Я буду писать стихи, а всю материнскую нежность свою отдам благородным фокстерьерчикам... Я останусь тебе верна, как только может быть верна твоя добродетельная Элизабет.

— О, моя дорогая!

После этого доктор последний раз проверил, хорошо ли упакованы все его щипчики, лопаточки, скребочки, колбочки и пробирочки, и вышел на улицу, где его уже ожидали сотни провожающих.

Проводы экспедиции были трогательными и торжественными.

На пристани состоялся короткий митинг, на котором министр внутренних дел, господин фон Мамен, выступил с длинной одышкой и короткой речью.

— Господа, — сказал фон Мамен, задыхаясь, — совершаются исторические мгновения. Перед лицом всего благородного мира мы отправляем благородного доктора Пиккеринга в благородную экспедицию за благородным калом, который принесет благородную пользу всему благородному человечеству.

«Благородные господа! Этот кал будет не просто калом. Он станет нашим политическим знаменем, которое мы понесем с собой в доказательство того, что мы благородные люди, а не потомки голоживотых, извините меня, обезьян. Мы призываем его в беспристрастные свидетели, и пусть он нам честно и правдиво ответит, от кого произошли мы: от обезьян, как утверждал большевик Дарвин, или же от своих чистокровных дедушек и бабушек, как утверждает мудрый доктор Пиккеринг. . .

Итак, за дедушек! За бабушек!»

Мощное «ура» было ему ответом. Оркестр играл туш. Пароход неистово гудел.

А потом было море. Доктор Пиккеринг ходил по палубе, то и дело поднося к глазам подзорную трубу и всматриваясь в горизонт. Путешествие было как путешествие, с качкой, с рвотой, с заходами в экзотические порты, с таможенными, с торговцами... И вот, наконец, после жаркого экватора, после летающих рыбок, на горизонте показались берега Южной Гвинеи.

В небольшом городке высадилась наша грандиозная экспедиция. Надо сказать, что это событие всколыхнуло весь городок. Добрая половина жителей собралась на пристани. Мальчишки прыгали вокруг выгруженного на берег экспедиционного снаряжения, как вспугнутая стая обезьянок. Полицейские, чьи голые тела были украшены длинными саблями, безуспешно пытались отгеснить толпу мальчишек и любопытных.

Экспедиция была оборудована по последнему слову техники. Она была снабжена танкеткой, вездеходом, автомобилями, автоматическими ружьями, огнеметами, пищуцими машинками, легким самолетом-амфибией, молитвенниками, походным алтарем, противозачаточными средствами и многими другими необходимыми в экспедициях вещами.

На следующий день местные власти и интеллигенция дали банкет в честь доктора Пиккеринга. На этот банкет собрался весь цвет общества. Тут были шериф, представитель какой-то торговой компании, полицейский, политический оратор, два чернокожих вождя и известная шансонеточная певица, высланная сюда в изгнание за чрезмерную вольность своих песенок и туалетов.

Доктор с бокалом в руке произнес речь о величии человеческой культуры, не преминув упомянуть свой отлично вызубренный девиз.

— Господа! — говорил он. — Мы, люди, создали культуру, искусство, науку и политику. Разве же мы не есть шедевр божественного создания? Разве вот вы, господин ше-

риф, или вы, очаровательная артистка, не являетесь шедевром господ-бога?..

Когда он кончил свою речь, все кричали «ура» и продолжали пить шампанское, а певица предложила тут же продемонстрировать совершенство человеческой культуры и пропела свои куплеты на мотив модного кэж-уока. И все были в таком неистовом восторге от совершенства человеческой культуры, что откинули стулья и стали качать прекрасную певицу.

На рассвете следующего дня экспедиция покинула этот чудесный тропический городок, с его пальмовыми аллеями, страстными воплями джазика и чудесным вином.

В сопровождении отряда полуголых туземцев, охранявших танкетку, вездеход и автомобили, экспедиция направилась к долине Горячих Вод, где в густых тропических зарослях жило множество человекообразных обезьян — горилл. Гориллы этих мест отличались своими громадными размерами, своей исключительной силой и своим невероятным уродством. Туземцы ужасно боялись этих свирепых, безжалостных, коварных и могучих зверей, которые являются подлинными властителями тропических лесов.

Иногда эти страшные звери объединялись в стада и нападали на деревушки людей. Их кулачища, зубы и когти были бы достойным вооружением самой агрессивной европейской армии. Через десять-двадцать минут хижины людей бывали разрушены, а все люди лежали на земле с раздробленными костями, с телами, разодранными в клочья.

Итак, на рассвете экспедиция тронулась в путь. Доктор Пиккеринг сидел в танкетке, ощеренной пулеметами. Он был одет в шлем с сеткой от москитов. В одной руке держал заряженный револьвер. В другой — набор щипчиков, скребочков и лопаточек для кала гориллиных глистов. А в кармане — Бедкер, Новейший путеводитель по Нижней Гвинее, в кожаном тисненном переплете, ценой в пять марок.

Часа через два после выхода экспедиции из городка кончилось шоссе, и машины стали, как говорится, продираться

ся сквозь густые заросли лиан, по неширокой асфальтированной звериной тропе, ведущей к водопою.

Все время, пока двигалась экспедиция по этой тропе, на высоких пальмах красовались яркие рекламы:

«Нижневинейское пиво — лучшее в мире!»

«Легко и безопасно вы можете убить настоящего тигра. По первому требованию высылаем прейскурант расценок на нашу безопасную охоту».

«Здесь живет семья настоящих дикарей. Спешите посмотреть. Дешево и доброкачественно».

На берегу реки находилась прекрасно оборудованная ферма для искусственного разведения крокодилов. Невдалеке дымил завод, изготавливающий изделия из крокодиловой кожи.

Но на другом берегу реки кончился асфальт, и пришлось двигаться уже по настоящей звериной тропе. Все чаще из зарослей доносилось грозное рычание настоящих зверей. На земле видны были настоящие следы животных. Маленькие обезьянки сопровождали экспедицию, прыгая с дерева на дерево и визжа противными пронзительными голосами. Пышные, разноцветные растения стройными стеблями тянулись к тропическому солнцу. Как гибкие змеи оплетали лианы стволы пальм.

К концу вторых суток экспедиция достигла долины Горячих Вод.

Машины остановились, и доктор вылез из танкетки. Он приставил к глазам бинокль и обвел им горизонт. Экспедиция стояла на вершине холма. Впереди расстилалась широкая долина, покрытая густым, непроходимым, тропическим лесом. Все молчало кругом, только иногда откуда-то издали доносилось грозное рычание зверя.

С чувством своего величия и собственного достоинства доктор опустил бинокль и сказал:

— Друзья, здесь мы разобьем наш лагерь. Сегодня вечером я приглашаю в свою палатку весь командный состав экспедиции. Я раскрою вам свой план облавы на горилл. Завтра на рассвете мы спустимся в долину и начнем свою операцию.

Лагерь был разбит. Он был похож на небольшой, хорошо укрепленный военный форт. В кругу, составленном из танкетки, автомобилей, вездехода и самолета, находилось несколько палаток новейшего образца, больше похожих на маленькие уютные коттеджи, чем на палатки. Заработала походная электростанция, и в палатках зажглись электрические лампочки. Вокруг палаток были установлены пулеметы и расставлены люди с автоматическими ружьями, ручными гранатами и огнеметами.

Поэтому доктор был совершенно спокоен и чувствовал себя в абсолютной безопасности. Он прошел в свою палатку и сел на мягкий диван, только что собранный из отдельных портативных деталей.

Включив радио, он слушал сообщения о ходе своей экспедиции. Затем присоединил к репродуктору патефон и обедал под звуки веселых фокстротов, которые так содействуют аппетиту и пищеварению. После обеда в его палатке собрались люди.

Доктор разложил перед собой большую карту долины Горячих Вод.

— Господа коллеги и помощники, — сказал он, — завтра на рассвете мы с вами, с помощью господ-бога нашего, выступим в долину Горячих Вод.

«Для моих научных целей мне нет нужды убивать горилл, хотя убивать этих нечестивых и непристойных животных дело богоугодное. Мне, напротив, надо захватить живыми как можно большее количество экземпляров горилл. Для этой цели я еще в Европе разработал план оригинальной облавы на обезьян. Эта облава явится новым словом в методологии зоологических экспедиций.

«Мы пришли сюда не охотиться, а, как и подобает человеку, этому шедевру божественного создания, этому царю и властелину природы, мы пришли сюда, чтобы без боя взять, как берут свою собственность, нужное нам количество обезьян.

Как вам известно, горилла является вместилищем всех человеческих пороков. Вы также неплохо знаете, хотя бы по личному опыту, что одним из наиболее распространен-

ных человеческих пороков является склонность к спиртным напиткам.

А раз так, нет ничего проще, как напоить обезьян, забрать их живьем в пьяном состоянии и затем спокойно разводить в их кишечниках глистов для дальнейших научных опытов.

Для осуществления этого плана я привез с собой достаточное количество ликерно-коньячно-водочного экстракта и специальные распыскиватели для этого экстракта.

На рассвете наш самолет-амфибия поднимется над долиной и начнет опрыскивать ликерно-коньячно-водочным экстрактом все деревья, кусты, плоды и травы. По моим расчетам, к концу вторых суток все обезьяны, находящиеся в зоне нашей операции, будут смертельно пьяны, и мы сможем без одного выстрела получить десятки отличных экземпляров самцов, самок и детенышей горилл для своих благородных задач. Вы видите, как это легко, просто и доступно... Ясно?.. Ни у кого нет вопросов?»

Вопросов почти не оказалось, всем все было ясно, и, после того как доктор Пиккеринг отдал четкие распоряжения о том, чем должен заняться каждый участник экспедиции, все разошлись по своим местам.

Летчик опробовал мотор амфибии, механики проверили действие опрыскивателей, танкист осмотрел танкетку, пулеметчики — пулеметы. Затем все участники экспедиции стали проверять коньячно-ликерно-водочный экстракт. Хорошо ли он упакован? Не выдохся ли в пути? Не утратил ли своего опьяняющего действия? Проверяли настолько добросовестно, что приблизительно к полночи у всех стали стеклянными глаза и отвисли челюсти. Летчик заснул под своим самолетом. Пулеметчики положили головы на свои пулеметы. Ученые улеглись на своих колбах и ретортах, и только один доктор Пиккеринг, этот страстный фанатик науки, этот подвижник пытливого мысли, лежал на своем ложе с широко открытыми глазами. Он лежал и размышлял, а за стенами палатки мяукали тигры, ревели львы, кричали обезьяны... Но доктору Пиккерингу не было страшно.

— Мяукайте, вы, тигряшки, — шептал он, — рычите, вы, льяшки, беситесь от ярости, гориллишки. Что вы можете сделать со мной, с человеком? Одна моя танкетка сильнее стада слонов. Один мой револьвер яростнее целого семейства горилл... И собственно вся моя сила даже не в танке и не в револьвере. Она — в моей мысли, в моей человеческой культуре...

В это время за стенами палатки послышался топот. Пикеринг приподнялся на локте и стал вслушиваться. Кто-то тяжелый топотал по земле, что-то затрещало и повалилось.

Доктор вскочил на ноги и крикнул своего слугу. И дверь сразу открылась. В нее просунулась морда... Доктор побледнел.

— О боже! Я сошел с ума!..

Вслед за мордой просунулась могучая волосатая грудь, затем коричнево-рыжеватые лапы... Затем вся палатка зашевелилась, как будто над ней пронесся ураган.

— О господи, боже мой! Элизабет, родная моя...

Доктор хотел крикнуть, но голоса не было, и за стенками палатки, несмотря на страшный треск, топот, грохот, не слышалось ни одного человеческого крика, возгласа, восклицания, только заведенный кем-то патефон пел слова модного «обезьяньего фокстрота»:

Мы все мордастые, мы все шерстастые,
И с нами всем так хо-ро-шо...

А громадное страшное чудовище стояло у входа на задних лапах, с перекошенной от ярости мордой, с шерстью, вставшей дыбом, с отвисшей нижней губой, по которой стекала желтая пена. И могучими кулаками чудовище неистово колотило себя в широкую грудь...

— О господи, да ведь это горилла!..

Доктор упал лицом вниз, теряя сознание, а патефон пел:

Мы обезьяночки, мы павианочки
И все самцы в нас страстно влюблены...

...Так печально окончилась экспедиция доктора Пиккеринга в Нижнюю Гвинею. Несколько дней ни радио, ни газеты ничего не сообщали об экспедиции. Потом разнеслась страшная и сенсационная новость. Радиограмма сообщила следующие сведения об участии, постигшей экспедицию доктора Пиккеринга:

«Как известно, несколько дней назад в Нижнюю Гвинею прибыла экспедиция известного ученого доктора Пиккеринга. Прекрасно вооруженная и оснащенная, экспедиция отправилась к центру области, в долину Горячих Вод. По последним сообщениям, переданным радиостанцией экспедиции, Пиккеринг достиг края долины, где и разбил свой лагерь. В течение двух дней от экспедиции не было никаких известий. Вчера перед рассветом в ближайший населенный пункт прибежал один из туземцев, входивший в состав экспедиции. Туземец рассказал, что, после того как был разбит лагерь, все начали пробовать какую-то зеленоватую жидкость. Он также стал ее пробовать, после чего заснул, и ему приснился очень страшный сон, будто в лагерь пришли Нзики (так местные жители называют горилл) и перебили всех людей. Сон этот был таким страшным, что видевший его туземец, пребывая, по его словам, все еще во сне, стал ползком пробираться по земле и никем не замеченный бежал из лагеря. Он бежал всю ночь. А наутро пришел в себя. Но вернуться в лагерь не решился.

Посланный на место, указанное туземцем, отряд солдат обнаружил разрушенный лагерь, сломанные танки и автомобили. Были также обнаружены трупы всех участников экспедиции, кроме самого доктора Пиккеринга. Трупы сильно изуродованы. Как видно, экспедиция действительно подверглась нападению стада горилл или других животных».

На этом кончается история экспедиции доктора Пиккеринга в Нижнюю Гвинею и начинается другая история, которая, собственно говоря, и является предметом моего описания.

Глава вторая

КОГДА ЧЕЛОВЕК ОСТАЕТСЯ ГОЛЫМ

В то время, когда весь цивилизованный мир читал сенсационную радиограмму, доктор Пиккеринг на короткое время открыл глаза. К нему вернулось сознание. Он огляделся, но ничего не понял. Первым его ощущением была боль во всем теле. Все тело ломило, как будто после свирепой драки. Вторая мысль его была об очках. Одно стекло было сломано, но второе оставалось целым. Значит, он может видеть, что происходит вокруг. Но вокруг происходило что-то совершенно непонятное. Мир убежал назад. Все окружающее мелькало. Вверх. Вниз.

Перед его лицом возникали то густая листва, то тонкий ствол дерева, то громадный сук, то земля с черными корнями деревьев, с высокой травой и страшными корягами. Иногда появлялось синее небо, потом трясина, потом громадный лист застилал его взор... Ему казалось, будто он летит по воздуху. И это чувство полета, высоты, какой-то неведомой опасности, от которой замирает сердце, напомнило ему детский сон, и он собрался уж окликнуть Элизабет, которая наверное лежит с ним рядом, но в это время услышал треск сучьев и какое-то тяжелое, прерывистое сопение. И тогда он вспомнил страшное видение в дверях своей палатки. И тотчас же увидел рыже-коричневую шерсть громадной лапы, обхватившей его поперек груди... И ему стало так страшно, что он вновь потерял сознание.

Я затрудняюсь вам сказать, сколько прошло времени, прежде чем он вновь пришел в себя. День, видимо, клонился уже к вечеру. Громадное, несколько туманное солнце садилось за вершины деревьев.

Доктор Пиккеринг открыл глаза и сразу же почувствовал, что теперь сознание вернулось к нему надолго. А впрочем — надолго ли? И он стал ждать мучительной, страшной, но неотвратимой смерти.

Он лежал высоко над землей, на разветвлении двух больших толстых ветвей. Над ним был устроен навес из сучьев и хвороста. Зеленые влажные листья склонились над ним, и какие-то неведомые экзотические плоды, несколько напоминающие бананы, почти касались его лица.

Доктор повернулся на бок и застонал от боли. Под деревом он увидел небольшую полянку, со всех сторон окруженную лесом. Посреди полянки лежала груда знакомых вещей. В общей куче были свалены автомобильные фары, сломанная пищащая машинка, несколько толстых книг, в которых он узнал свои труды, сломанные ружья, шляпа одного из его помощников, курительная трубка, поваренная ложка и много других вещей, таких знакомых каждому человеку.

Вскоре послышался треск сучьев, и с высокого дерева прыгнуло на полянку чудовище. Доктор сразу узнал отличный экземпляр гориллы. Горилла была большого роста, коренастая, с длиннейшими руками, с коричнево-рыжей шерстью, которой заросли морда, спина, грудь и все туловище. В руке гориллы был ночной горшок доктора, который полетел в общую кучу.

Вслед за первым гостем, почти сразу же, выпрыгнул на полянку другой. Это, видимо, была самка. Она несла киноаппарат и несколько сломанных патефонных пластинок.

Одна за другой прыгивали с деревьев гориллы, складывая в общую кучу захваченные трофеи. Человеческие вещи вызывали у животных исключительное любопытство. Самцы, самки и детеныши брали их в руки, рассматривали, пробовали раскусить, сломать, раздавить в кулаках, что обычно им без труда удавалось.

Вскоре издалека донесся пронзительный, какой-то лающий рев. Рев быстро приближался. Обезьяны присмирели. Они бросили на землю вещи, которые были в их руках, и застыли в неподвижных и испуганных позах, устремив взгляд своих злобных черных глазок в ту сторону, откуда доносились эти страшные звуки.

С треском и ревом, сквозь плотную стену растений, скрепленных лианами, вырвался и встал посреди поляны

запоздавший горилла. На нем была густая шерсть коричневого цвета с каким-то рыжеватым оттенком. Он был невысок, но столь широкоплеч и коренаст, что казался почти квадратным. Громадная грива покрывала его череп и спускалась на плечи, на спину и грудь. Морда его была яростной. Одну ногу, видимо сломанную в боях, он несколько волочил, и эта хромота почему-то придавала ему особенно свирепый и кровожадный вид.

Он выскочил на середину поляны и остановился на четвереньках, высоко подняв свой лохматый зад, злобно и грозно оглядывая притихших обезьян. Затем медленно поднялся на ноги и стал неистово колотить себя могучими кулаками в широкую грудь, испуская при этом грозный и яростный рев.

Обезьяны опустились на землю, как бы упав ниц, и застыли в страхе, боясь пошевелиться. Тогда хромой подскочил к старому клыкастому самцу, лежавшему перед ним ниц, и отпустил ему такой увесистый подзатыльник, что если бы его получил не горилла, а человек, то к нему не нужно было бы даже звать врача, так как врачу уже нечего было бы делать. Но старый самец мужественно выдержал удар, ниже пригнувшись к земле и что-то зарывав в свое оправдание.

Я уже говорил, что доктор Пиккеринг настолько тщательно изучил горилл, что мог кое-как разбираться в значении их жестов и издаваемых ими звуков. Поэтому он понял, что речь сейчас идет о нем самом. Хромой, который, видимо, был вожаком всего стада, выражал гнев от того, что не видит своей главной добычи — обезьяноподобного, как он называл эту добычу.

Старый самец быстро поднялся на ноги и несколькими прыжками, провожаемый свирепым и грозным взглядом Хромого, добрался до дерева, на котором лежал доктор. Доктор закрыл глаза, чтобы не видеть того, что случится. Его обдало горячее дыхание зверя, и две могучие лапы сжали его так, что кости хрустнули. Когда он опять открыл глаза, то увидел склонившуюся над собой яростную и уродливую морду Хромого.

Гнев обезьяньего вожака, видимо, прошел. Поднявшаяся было дыбом шерсть опять улеглась на его теле. Он обнюхивал и оглядывал доктора, затем небрежно схватил его за полу пиджака и легко, как щепочку, перевернул на другой бок. Доктор молчал, затаив дыхание и стараясь не смотреть в алые, звериные, глубоко запавшие глазки Хромого.

Все обезьяны, увидев, что вожак успокоился, пришли в неистовую радость, сорвались с места и опять бросились к куче трофеев. Несколько самок, подскочив к Хромому, окружили его и, злобно рыча друг на друга, стали, ласкаясь, перебирать его коричневую шерсть, выискивая в ней насекомых.

С необычайной яростью, пронзительными криками, резкими движениями и уродливыми гримасами терзали обезьяны свою добычу. Во все стороны разлетались куски металла, дерева, кожи, материи. Нередко из-за какой-нибудь вещи возникала такая яростная и свирепая драка, что клочья шерсти летели в стороны, пока Хромой грозным рычанием или ударом не прекращал поединка.

Одна из горилл разошлась настолько, что, когда уже у нее под руками не осталось больше вещей, которые можно было сломать, она подпрыгнула к доктору Пиккерингу и схватила его за ногу, чтобы разломать ее так же, как только что разломала штатив киноаппарата. Но грозный окрик и великолепная затрещина вожака отогнали смельчака.

— Это добыча моя, — прорычал Хромой, — и никто из вас, жалкие макаки, чтоб не смел до нее дотронуться... Эй вы, бросьте возиться как детеныши. Когда говорю я, Хромой, падите ниц и слушайте...

И сразу все самцы, самки и детеныши действительно прекратили возню и вновь пали ниц, слушая рев своего вожака.

— Вот лежит моя добыча, обезьяноподобный, — ревел Хромой. — Кто из вас дотронется до моей добычи, человекоподобные гадины, тот может прощаться со своей самкой и детенышами, потому что я переломаю ему конечности, раздроблю череп и разорву живот... Слышали вы? То-то... А теперь слушайте дальше, что проревет вам ваш вожак.

Наша победа над лагерем жалких человечков еще раз подтвердила, что нет в мире существа сильнее и могущественнее гориллы. Что, не верно я говорю? Почему же человечки присвоили себе право считаться владыками природы, самыми сильными существами? Посмотрите на этого обезьяноподобного... Я оставил его в живых только потому, что он похож на нас и хоть поэтому не так жалок, как другие его бесшерстные и слабосильные сородичи, Ну, и я хочу, чтобы вы посмотрели: кто из нас могущественнее — я или он?..

Могучий рев был ему ответом.

— Я могу вышибить из него жизнь,— продолжал Хромой, — одним взмахом мизинца, но я не стану этого делать сам, а поручу это ничтожное дело новорожденным нашим детенышам...

— О горилла! — взмолился доктор. — Разве тебе не жалко своего беспомощного и поверженного в прах противника?

— Что ты там лепечешь о жалости? Что это такое — жалость?

— Победители бывают милостивы к побежденным...

— Что ты там лепечешь о милости? Эта штука мне тоже совсем незнакома.

Тогда доктор понял, что ждать пощады ему не придется, а раз так, то ему нет нужды умирать несчастным и жалким, а он может умереть, как герой, отстаивая правду, как умерли Джордано Бруно, Галилей, Коперник, как умирали лучшие подвижники истины... И, почувствовав себя героем, он вынул из кармана револьвер и, нацелившись в Хромого, прорычал известными ему гориллиными звуками:

— Так вот тебе, обезьяна! Человек все-таки сильнее...

Но не успел он спустить курок, как Хромой, собравшийся прорычать следующую тираду, чуть-чуть переставил ногу, при этом слегка задев доктора.. И это случайное прикосновение, даже не замеченное гориллой, оказалось таким толчком для человека, что револьвер выпал из его руки...

— Что ты опять лепечешь, жалкая вонючка? — заинтересовался Хромой. — Ты, может быть, не согласен со мною?

Так в чем же твое величие? — И он схватил человека и подбросил его в воздух, как легкий камешек.

— Вот в этом, — чуть слышно произнес доктор, упав на землю и головой кивая на груды вещей, а руками потирая ушибы.

— В этом? А зачем нужны все эти игрушки, без которых мы отлично обходимся и не жалуемся на жизнь?

— Вот в этом, — указал доктор на ручную гранату, валявшуюся невдалеке от него. Внезапно ему пришла в голову мысль перехитрить глупых зверей. — Дайте мне эту штуку, уважаемый господин обезьяна, и я покажу вам ее действие.

Хромой поднял ручную гранату с земли и хотел подать ее доктору, но, поднимая, он так сжал ее в своем кулачище, что доньшко металлического цилиндра отвалилось и все содержимое просыпалось на землю, и он подал доктору лишь пустую и сломанную жестянку.

— Вы сломали ее, — жалобно, извиняющимся тоном сказал Пиккеринг, — а то она могла бы разорвать вас всех.

— Ах, простите, — издевался над ним Хромой, — если бы я не сломал ее, она разорвала бы меня, возможно. Но я даже не заметил, как сломал это грозное оружие. Так чем же все-таки ты сильнее нас, жалкий хвастунишка, лягушка, воображающая себя гориллой, чем же?

— Ну, наконец, этим, — прошептал доктор Пиккеринг, указывая на книги. — Мы единственные из живых существ создали культуру, мы имеем историю, поэзию, живопись, мы имеем Шекспира, Гете, Данте, Леонардо да Винчи... — говорил доктор с воодушевлением, но внезапно осекся, увидев, что страницы из его книг жадно запикиваются в рот гориллыми детенышами, которые разжевывают их и затем выплевывают друг в друга. С большим оживлением юные гориллы переплевывались разжеванными бумажными мякишами.

А Хромой издевался:

— Наши детеныши умнее вас. Они хоть получают развлечение от ваших книг и вашей культуры. А вы? Может быть, ваша культура заменит вам пищу или жен или силу

ваших рук?.. Подумаешь: создали историю! И у нас есть история. Вот недавно мы напали на стадо слонов. А несколько раньше разрушили деревню дикарей, а еще раньше — я убил двух охотников. А в прошлом году — раздробил череп своему предшественнику, прежнему вожаку этого стада Длиннозубому. Ну, чем не история? А литература? У нас есть и литература и музыка. Правда, всего одна песня, но она стоит всех ваших сочинений, потому что выражает решительно все наши мысли, чувства, мечты и переживания. А ну-ка, обезьянушки, заведем наш рев...

По приказу вожака все самцы вскочили на ноги и начали, грузно пританцовывая, неистово бить себя кулаками в грудь, разжигая свою ярость. При этом все разом зарычали, и рев этот звучал так ужасно, так громко и яростно, что дрожь прошла по телу Пиккеринга. Доктор попытался вникнуть в содержание рева, и смог кое-как перевести его на человеческий язык.

Нам ничего не нужно,
Кроме крови тех, кого мы не любим,
А не любим мы никого и ничего,
Кроме вкусных плодов
И наших самок.

— Ну, как? — горделиво обернулся Хромой к доктору. — Не плохое у нас искусство? Так в чем же люди нас превзошли?

Доктор уже не знал, чем еще доказать преимущество человека перед обезьяной.

— Наконец в этом, — неуверенно прошептал он, указывая на свой костюм, — в том, что мы всегда пристойно одеты и закрываем свой срам...

— Вот так преимущество! — взревел Хромой и сорвал с доктора его пиджак, жилет, брюки, а затем и нижнее белье.. — Вот так величие! Вот и остался ты, в чем мать родила. А попробуй-ка, сдери ты с меня мою одежду!.. Что же касается пристойности, так действительно тебе есть что за-

крывать и прятать, а нам так нечего. Эй, обезьянушки, глядите на этого безволосого уroda, вот так чудовище!..

Все подскочили к доктору и стали с любопытством разглядывать его жирное, розоватое голое тело. Самки и детеныши совершенно бесцеремонно перекатывали его с боку на бок, с живота на спину, щупали, трогали, залезали пальцами в рот, в уши, издеваясь над необычным видом его тела.

Бедный доктор Пиккеринг переживал нечто ужасное. Он не в силах был больше терпеть и, приподняв голову, умоляюще прошептал:

— Убейте меня, убейте меня ради всего святого!

— Лежи ты, дай и другим на тебя посмотреть, — легонько прихлопнул его по макушке Хромой, так что он чуть было опять не потерял сознание. И тогда доктор Пиккеринг понял: когда человек остается голым, он уже перестает быть человеком. У него не остается никакой защиты, даже руки ему некуда спрятать. У него не остается уже веры ни в человеческую культуру, ни в собственное достоинство. Он слабее и беспомощнее лягушки.

Так доктор Пиккеринг остался жить с гориллами. Он жил вместе с ними, питался их пищей, занимался их делами, развлекался их развлечениями.

Обезьяны носились по лесу, перепрыгивая с дерева на дерево, а доктор Пиккеринг бежал за ними по земле, спотыкался, падал, вскакивал, опять бежал, догоняя стадо, потому что за отставание он получал такие подзатыльники и затрещины, от которых долго потом не мог оправиться.

Все его тело покрылось синяками, ссадинами, ушибами. На нем запеклась кровь, грязь. Рыжая щетина покрывала его шею и щеки.

Неспособный ни к драке, ни к бою, ни к добыванию пищи, он был приспособлен гориллами для ухода за малышами. На его обязанности лежало колоть орехи и развлекать малышей.

Малыши были довольно грубые и невоспитанные, и доктор Пиккеринг не раз вспоминал Институт для благородных фокстерьеров своей супруги. Вот бы дать такое же

воспитание гориллятам! Но они не получали никакого воспитания и поэтому нередко теребили доктора за бороду, колотили его до полусмерти, кусали его и щипали. А он должен был терпеть и молчать, потому что за малейший протест взрослые гориллы избивали его еще более жестоко, чем малыши.

Хромой относился к нему сравнительно милостиво и не разрешал особенно сильно его увечить. Он проявлял живейшее любопытство к человеческой жизни и почти каждый вечер садился около обезьяноподобного и подолгу выслушивал длинные рассказы доктора о том, как живут люди.

Пиккеринг рассказывал о больших городах, построенных в Европе и Америке, о небоскребах, трамваях, троллейбусах, метрополитенах, самолетах, кораблях. Он рассказывал о театрах и кино, о заводах и фабриках. Он цитировал Хромому Шекспира и Гомера, напевал наиболее популярные арии из «Кармен» и «Севильского цирюльника». Он рассказывал обезьяне об астрономии, математике, химии, зоологии и даже посвятил его в учение Дарвина и свое пиккерингово учение. Хромой внимательно слушал все его рассказы, лишь изредка прерывая их вопросами или насмешливыми репликами.

Хромому казалось все это страшно смешным и глупым. Он никак не мог понять, что может быть нужно живому существу кроме пищи, самки и боя. Для чего еще нужны всякие театры? книги? науки? Несмотря на длиннейшие монологи доктора, он так и не смог понять, какие чувства человек называет «жалостью», «честью», «достоинством», «сочувствием». В его душе таких чувств не было.

Люди казались ему очень смешными и жалкими. Но однажды он сказал Пиккерингу, что не прочь бы побывать среди людей: он уверен, что сумеет завоевать среди людей уважение и высокое положение, потому что его гориллы качества несравненно ценнее человеческих качеств.

Доктор усомнился в этом. Он высказал предположение, что как только Хромой приедет в Европу, его сразу же поймают и посадят в клетку. Хромой засмеялся в ответ:

— Плохо же ты знаешь наше племя, паршивая черепаха! Никакое количество людей не совладеет со мною силой. Я же не то, что люди. У меня же нет всяческих «жалостей», «сочувствий», «чести». А это такое преимущество в борьбе, что стоит ваших пулеметов и танков.

Когда Хромой ушел, доктор долго размышлял над его словами и пришел к выводу, что в некотором отношении горилла, может быть, и прав. Он, пожалуй, действительно мог бы пожить среди людей. Он даже мог бы стать отличным полицейским, так как полицейскому не нужны никакие человеческие качества, и чем более он похож на гориллу, тем лучше расправляется с рабочими. Думая дальше, он пришел к выводу, что горилла мог бы стать даже полицейпрезидентом, а может быть даже и еще более крупной фигурой в правительстве, так как всем известно, что такие, например, политические деятели, как Носке и Зеверинг, достигли высокого положения именно благодаря тому, что так же, как горилла, не знали и не понимали, что такое «жалость», «честь» и «достоинство».

Между тем Хромой все чаще и чаще возвращался к разговору о жизни среди людей. Он выучил довольно много слов — конечно, тех, которые были доступны его пониманию. Это были преимущественно глаголы: бить, резать, душить, валить, таскать, крошить, убивать, ломать.

Однажды вечером, придя к доктору, он сказал ему:

— Ну, ты, паршивая овца, подними свою бесподобную харю, я хочу с тобой серьезно разговаривать...

«Вот что, слабосильный червяк. Я решил отправиться на твою родину. Я отправляюсь туда не потому, что хочу у людей чему-нибудь научиться, а потому, что хочу их научить и заставить уважать и почитать гориллу. Ты понял меня, детеныш колибри? Вчера я сходил на тот холм, где мы разбили ваш жалкий лагерь, и нашел там кое-какие твои тряпки и бумажки. Вот они, я принес их. Вот идиотский пиджак, жилетка, галстук. Ты должен научить меня носить эти тряпки и показать, которые из бумажек — деньги, чтобы я мог добраться до твоей родины.

Если ты все сделаешь для меня, что надо, я зайду к твоей жалкой самке и передам от тебя привет. Если я добьюсь среди людей успеха, то ты вернешься на родину. Но если меня там одолеют людишки, то мое стадо разорвет тебя в клочья и выпустит все твои кишки, развесив их на деревьях для просушки. Ты понял меня, павиан бесхвостый?»

Как тут было не понять? И доктору осталось только пожелать Хромому успехов, ибо он знал, что кровожадное стадо уж не упустит случая выполнить такое приятное распоряжение своего вожака.

Поэтому он заботливо стал натягивать на обезьяну свои кальсоны, брюки, рубашку, жилет, пиджак. Завязал вокруг его толстой мохнатой шеи свой красный галстук с зелеными горошинами. Одежда, конечно, была мала горилле и на нем не сходилась. Кое-что лопнуло, пока натягивалось на гориллы члены. Доктор отобрал из принесенных гориллой бумаг деньги и на клочке бумаги написал записку Элизабет:

«Моя дорогая очаровательная Элизабет! К тебе придет этот ужасный субъект, который является вожаком гориллы стада. Из моей экспедиции, как ты сама понимаешь, ничего не вышло. Я не только не изучаю гориллиных глистов, но сам стал вроде глисты, такой же худой, беспомощный и несчастный. Я нахожусь в плену у горилл. Они обращаются со мной ужасно, унижая мое человеческое достоинство, совершенно не считаясь ни с моим образованием, ни с моим общественным положением, ни, наконец, с возрастом. Моя судьба и самая моя жизнь находятся в руках того существа, которое вручит тебе эту записку. Если его постигнет неудача — я буду растерзан его сородичами. Если же ему повезет, то я, может быть, буду спасен. Моя судьба, дорогая Элизабет, теперь в твоих руках. Помогите на первых порах моему властителю. Введи его в общество, обучи манерам, а я буду надеяться на тебя и на милость господ-бога нашего.

Преданный тебе Альфред Пиккеринг».

Хромой внимательно прослушал содержание записки и велел выбросить из нее слова «ужасный субъект», потому что, мол, она все равно убедится, что это не так, так как докторше он обязательно понравится, как нравится всем самкам своего стада, которые предпочитают его всем другим самцам.

Он положил в карман часы доктора, самопишущую ручку, которая ему очень понравилась, хотя писать он и не умел, воткнул в боковой кармашек платочек, как его научил Пиккеринг, сорвал громадный тропический цветок и вдел его в петлицу и в этом наряде взобрался на вершину дерева. Там он вытянулся во весь рост и завопил, созывая все стадо. Когда все собрались, он проревел небольшую речь.

— Обезьянушки, — проревел он, — я ненадолго вас должен покинуть. Я уйду для того, чтобы доказать всему миру, что нет в природе существа сильнее гориллы, и утвердить во всем мире гориллью власть, чтобы стали гориллы хозяевами земли и могли беспрепятственно убивать, кого захочется, есть, что захочется, и спать, с кем захочется. Пусть вождем стада во время моего отсутствия будет Клыкастый, которому и передаю я все свои полномочия.

После этого он оставил распоряжения, как расправиться с обезьяноподобным, если через двенадцать лун от него, Хромого, не будет никаких известий, и на прощание предложил завести воинственный рев... Выпучив глаза и подняв кверху мохнатые руки в слишком коротких рукавах, он заревел первым, и его поддержали все остальные:

Нам ничего не нужно,
Кроме крови тех кого мы не любим,
А не любим мы никого и ничего,
Кроме вкусных плодов
И наших самок.

Ах, как приятно сжать кого-нибудь так,
чтобы кости затрещали,
Ах, как приятно проломить кому-нибудь череп.

Сразу кровь начинает быстрее струиться по жилам,
И чувствуешь себя моложе и сильнее...

Еще не окончился этот воинственный рев, когда доктор увидел, что Хромой, взмахнув рукой, перескочил на соседнее дерево, потом на следующее. Из кармашка выпал белый платочек, и автоматическое перо вывалилось на землю. Потом Хромой повис, одной рукой взявшись за ветку, раскачался и ногами зацепился за другое дерево. И так, с ветки на ветку, с дерева на дерево, он умчался вдаль. И еще некоторое время в зеленой чаще мелькал его красный галстук с зелеными горошинами.

На этом кончается история пребывания доктора Пиккеринга в плену у обезьян и начинается другая история, которая, собственно говоря, и является предметом моего описания.

Глава третья

ГОСПОДИН ГОРИЛЛИУС ДЕЛАЕТ УСПЕХИ

Часы на башне пробили полночь. Город медленно уходил ко сну. Из дверей ресторанов вырывались на улицу истошные визги оркестров. Проститутки на перекрестках кокетничали с ворами и бандитами. Сдвинув на затылки котелки, пошатываясь проходили гуляки.

Элизабет Пиккеринг сидела в своем будуаре. На ее небольшом письменном столе стояла лампа под розовым абажуром и лежала раскрытая коробка шоколадных конфет. У ее ног на пухлой шелковой подушечке лежал благородный фокстерьер, получивший классическое воспитание в ее институте.

Элизабет утомилась от дел. Она отложила в сторону годовой отчет Общества для обеспечения безработных горничных розовыми ленточками на бюстгальтеры. За год было выдано шестьсот ленточек. Но так как на каждый бюстгальтер полагалось по две ленточки, это значит, что триста безработных горничных получили трогательный подарок, который скрасил их существование.

Она отложила в сторону программу обучения благородных фокстерьеров хорошим манерам. Устала. Все надоело.

«Нет, — подумала она, — я боюсь, что моя мятущаяся душа не успокоится даже среди фокстерьеров. Мне хочется куда-то вдаль, каких-то сильных, неведомых чувств, страстей...»

Потом она стала вздыхать, прикладывая к глазам надушенный платочек, делать трогательные гримасы.

..Тсс!.. Она пишет стихи, стихи о любви!

Чему же удивляться? Ведь и под закрытым платьем, олицетворяющим образец добродетельности, бьется женское сердце, а сердце неутешной вдовы в сорок лет — это такое сердце, которое стоит трех-четырех девичьих сердец.

Часы на башне пробили полночь. Но в кабинете министра внутренних дел господина фон Мамена еще шло заседание.

Двадцать четыре человека — министры и крупнейшие магнаты промышленности и финансов сидели за длинным столом, покрытым зеленым сукном, и совещались.

Говорил господин Хрупп, владелец крупнейших в стране оружейных заводов, угольных шахт, железных дорог.

Он обрушился на правительство со всей страстью и всей силой своих миллионов.

— Вы жалкие бабы, — говорил он, — а не государственные мужи. Рабочие распустились до невозможности. Они требуют сокращения рабочего дня — подавай им сокращение рабочего дня! Они требуют прибавки зарплаты — подавай им прибавку зарплаты! Завтра они потребуют, чтобы я отдал им мою жену — и что же? Мне придется отдать им мою жену? Вот до чего вы их распустили! А за что вы получаете деньги, милостивые государи? Я вас спрашиваю, господин министр... я вас спрашиваю, господин премьер... я вас спрашиваю, господин полицейпрезидент... Вместо того чтобы пустить в ход силу, которой вас наделила власть, вы занимаетесь всякими там убеждениями, разговорами да парламентарщиной... К чорту, милостивые государи, к чорту! я хочу делать деньги, а не сентиментальничать с вашими рабочими организациями. Меня не устраивает такая власть, которая не может обеспечить мне хотя бы пятипроцентного ежегодного прироста моего капитала. Вы слышите меня, господа? Я кончил.

После него взял слово министр фон Мамен. Как читатель уже догадывается, он начал свою речь с длинной одышки, мешавшей ему произнести хоть слово. Но через не особенно продолжительное время он все-таки преодолел свою одышку и стал говорить со свойственной ему вежливостью, образностью, интеллигентностью, за что он, видимо, и попал в министры.

— Го-го-господа! С глубоким прискорбием и болью душевной слушал я выступление достопочтенного господина Хруппа. Что мы можем сделать, господа? Все в руках божьих.

Рабочих развращают большевики. Большевиками наводнена вся наша страна. На стороне большевиков многие писатели, художники, музыканты, ученые. Не могу же я, уважаемый господин Хрупп, посадить их всех в тюрьму. Что скажет международное общественное мнение? Мы, господа, все-таки просвещенная, гуманная, интеллигентная страна...

— К чорту вашу просвещенность, гуманность, интеллигентность! — совсем уж невежливо перебил господин Хрупп. — Мне нужно правительство крепкой руки и решительных действий. Вы поняли меня? Да?

.

Часы на башне пробили полночь. Но в дымном зале маленького бара за грязными столиками сидела золотая молодежь. Студенты Брюнхенского университета. Закончилось пиво. Опустели кружки с массивными крышками и готической надписью на стенках: «Пей до дна, и бог тебя простит». Съедены золотистые сосиски. И что осталось? Только слова. Но разве могут утешить слова, когда хочется пива?

Они скучали, эти молодые люди с оголенными розовыми затылками, с мясистыми лицами и грустными глазами. Они скучали. Сегодня состоялся футбольный матч, в котором они выиграли у команды Грюнхенского университета. Завтра предстояла новая решающая встреча. Но между сегодня и завтра еще так много времени. Как убить его? Куда деть свои силы и свою жажду?

Малютка Ганс был детиной исполинского роста и достойной толщины. То ли от частого употребления пива, то ли по наследству от отца, владельца крупного сосисочного завода, только малютка Ганс, несмотря на свои двадцать пять лет, обладал такой комплекцией и такой силой, что мог одной своей жирной рукой поднять столик со всеми находящимися на нем бутылками, кружками и закусками.

Казалось бы, чего тужить такому детине? Однако он меланхолически говорил:

— Прозябаем мы, старина, прозябаем. Мы молоды, мы хотим веселиться. Так нет! Сиди в поганой аудитории и читай поганые книги.

— Да, жизнь, прямо сказать, никудышная, — мрачно ответил отчаянный Фриц, почесывая свои русые вихры. Он был незаконнорожденным сыном государственного прокурора и проститутки. С помощью своего высокопоставленного отца, он поступил в университет, но очень скоро разочаровался в науках и увлекся торговлей кокаином. Через непродолжительное время и это ему надоело. Он опять вернулся в университет, объявив себя революционером и порвав связи с высокопоставленным отцом. Но так как жить на что-то надо было, то он пошел на содержание к престарелой кинозвезде. Однако и революционера из него не вышло, и звезда его закатилась, а папаша теперь уж сам порвал с ним. Тогда он стал предлагать себя любой политической партии для свершения террористического акта. Покупателей сразу не нашлось, и, совершенно разочаровавшись в жизни, он стал председателем студенческого клуба самоубийц.

— Никудышная жизнь! — опять повторил отчаянный Фриц. — Эх, выпить бы сейчас!.. Хозяин, не дашь ли опять в кредит? Нет? Ах ты, каналья!..

— Я уж сегодня просил, просил у папочки, ни гроша, сукин сын, не дал, — мрачно доложил Ганс.

— Вот, казалось бы, если поразмыслить — чего проще: взять да своротить башку на сторону этой жирной свинье буфетчику и выпить, чего захочется! А? Так нет, навдумывали люди всякие там «чести» да «приличия»!.. Совсем человеку деться некуда.

— Да, это ты верно говоришь, старина. Вот на прошлой неделе случайно как-то пошутил с одной дамочкой. Ну, казалось бы, что об этом и вспоминать. Так нет, протокол составили, и пришлось папаше свой карман потрясти.

Тоска и меланхолия усиливались. Подперев голову руками, малютка Ганс задумчиво запел песенку золотой молодежи Брюнхенского университета:

Наши кулаки ищут драки,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля.
Наши языки ищут враки,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля,
Ах, мне книга не нужна,
Ой ля-ля, ой ля-ля.
Я хочу бокал вина,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля.

Так пели они, уставившись мутными глазами в пустые пивные кружки, когда дверь раскрылась и на пороге появился незнакомец с поднятым воротником и нахлобученной на самые уши шляпой. Он был невероятно широкоплеч, приземист, и руки его болтались, как два жгута. Шел он вразвалку, какой-то странной походкой, как будто приседая или идя на несколько согнутых ногах. Он немного прихрамывал.

Вошедший, не глядя по сторонам, прошел в самый темный угол и сел к столику. Низким, грудным голосом он заказал себе крепчайшего коньяку. Услужливый и добродушный буфетчик поспешил удовлетворить его просьбу и поставил перед ним рюмку. Незнакомец взглянул на нее, небрежным движением руки смахнул ее со стола и грозно закричал на буфетчика:

— Ты что, смеешься надо мной, земляной червь? Или я младенец, что ты наливаешь мне в наперсток? Налей мне в самую большую кружку, которая только у тебя есть.

Испуганный буфетчик бросился к стойке, а молодежь, заинтересованная поведением и словами незнакомца, разглядывала его.

— Ставлю свою Эмхен против твоей Гретхен, — сказал отчаянный Фриц, — что он выпьет всю эту кружищу до дна и даже не поморщится, я уж это вижу.

Малютка Ганс охотно принял спор.

А незнакомец, между тем, взял кружку в обе руки и одним глотком выпил все ее содержимое. Потом попросил буфетчика дать ему закусить: бананов или там каких-нибудь орехов.

— Коньяк закусывает бананами! Вот это да! — шептал потрясенный малютка Ганс. Он был так заинтересован незнакомцем, что даже не испытывал сожаления об утраченной Гретхен. — Вот это да! — шептал он в экстазе. — Вот это я понимаю!

Между тем незнакомец, закусив вместо орехов жареными каштанами, попросил и сразу же выпил еще одну такую же громадную пивную кружку, наполненную коньяком. Выпив, он даже забыл закусить.

Удивлению и восторгам восхищенных студентов не было пределов. Во все глаза глядели они на незнакомца, как он откинул ногой стул и пошел, несколько волоча одну ногу, к дверям. Путь его лежал как раз мимо их столика. Они с интересом разглядывали его уродливое, заросшее какой-то коричневой щетиной морщинистое лицо и думали:

«Вот это парень! Вот это да! Хоть он и похож на обезьяну, но это действительно человек, и стоящий того, чтобы с ним познакомиться».

Незнакомец шел прямо на них. Он приблизился к стулу, на котором сидел малютка Ганс, и даже шагу не сделал в сторону, чтобы его обойти, — просто своротил стул на бок, так что малютка Ганс плюхнулся на пол и растянулся.

— Вы могли бы хоть извиниться, господин, — вскочил на ноги всплывший Фриц.

Незнакомец, даже не остановившись, спросил:

— Чего ты лепечешь, печенка мартышки?

— Если вы не смогли обойти стул, то, по крайней мере, можно было попросить нас посторониться. За это морду бьют, милостивый государь...

— Бьют? — с удивлением переспросил незнакомец. Это слово его, видимо, заинтересовало. Он остановился. Даже повернулся назад. При этом он весь вдруг вытянулся, стал выше ростом, шляпа на его голове заходила ходуном, нижняя челюсть отвисла, и он раза три-четыре стукнул себя

кулаком в грудь, после чего одним махом сбил с ног побледневшего от гнева и страха Фрица, откинул ногой Ганса, еще лежавшего на полу, и неистовым тумачом встретил подбежавшего к нему буфетчика, который стремительно пролетел через весь зал и, описав траекторию, приземлился под одним из столиков.

Незнакомец огляделся и, видимо удовлетворенный результатами своей деятельности, подошел к стойке и наполнил себе еще одну внушительную кружку.

Малютка Ганс приподнял голову. Он тихо стонал, но я не знаю, от чего больше: от боли, удивления или восторга, который светился в его взоре, устремленном на незнакомца. Фриц тоже приподнялся. Громадные синяки под обоими глазами, кровь и рассеченная щека несколько препятствовали проявлению его чувств. Но во всяком случае в его взгляде можно было заметить нескрываемое любопытство.

Незнакомец увидел, что молодые люди пришли в себя, и, считая инцидент исчерпанным, с самым невозмутимым видом протянул им по кружке пива из тех, что стояли на стойке.

— Не можете ли вы, жалкие бородавки на хвосте крокодила, — спросил он с наивеличайшей вежливостью, — сказать мне, как пройти вот на эту улицу? — И он протянул записку, написанную доктором Пиккерингом.

Видя, что гнев незнакомца прошел, отчаянный Фриц не отказался от предложенной кружки пива, справедливо считая, что пиво — лучшее лекарство от всех болезней. Его примеру последовал и малютка Ганс. Они выпили пиво, сидя на полу, и отчаянный Фриц, терзаемый любопытством и восхищением, даже не заметив вопроса незнакомца, робко и подобострастно спросил:

— Разрешите спросить вас, уважаемый господин, если, конечно, вам будет угодно ответить. По какому праву вы нас так ужасно избили?

— По праву своей силы, ослиное ухо, — миролюбиво отвечал незнакомец. — Могу вас избить, потому и избил. Вы бы меня тоже избили, да только не можете.

— Но за что, позвольте узнать? — не унимался Фриц.

— Да за то! Руки просто затекли, вот и размялся...

Страшно пораженный такими речами, такой смелостью и таким нахальством, малютка Ганс даже встал на ноги, и Фриц последовал его примеру.

— Это интересно слышать, — сказал Ганс, — но как же вам не стыдно ни за что, ни про что избивать людей? У меня вот тоже много силы, но я же...

— Проклятая гусеница! Ты говоришь о стыде, потому что у тебя мало силы. Я не знаю, что такое стыд, и мне он совсем не нужен.

— Но надо же иметь совесть.

— И этого я не знаю.

Услышав, что незнакомец довольно мирно разговаривает, буфетчик высунулся из-под стола и крикнул:

— Вот это и есть бессовестно: бесплатно пить, посуду разбить, а потом закинуть под стол хозяина... — И, страшно испуганный своей смелостью, он забрался еще глубже под стол и опустил скатерть, чтобы его совсем не было видно.

— Как человечки любят рассуждать! Устал я с вами разговаривать. Ничего такого я не знаю: ни стыда, ни совести. Что хочу да что могу — то и делаю. Вот мой гориллий закон.

— Почему гориллий?

— Потому что я горилла!

Молодые люди вряд ли поверили, что разговаривают с настоящей гориллой, но речи и философия их нового знакомого так им понравились, что они вручили ему свои визитные карточки и предложили ему свою дружбу.

После этого малютка Ганс и отчаянный Фриц вызвались проводить гориллу по адресу, указанному в записке, и по дороге восторженно жаловались на горькую человеческую участь и откровенно признавались, что если ему, горилле, — как он себя называет, — можно кого угодно бить, где угодно пить, кого вздумается насиловать, то они тоже хотят стать гориллами.

За такими разговорами незаметным показался путь до дома Пиккерингов. У парадных дверей друзья расстались, пообещав в полдень следующего дня заехать за гориллой и взять его с собой на решающий матч между брюнхенскими и грюнхенскими футболистами.

Горилла остался один. Широкая двустворчатая дверь была заперта. Что было делать? Ему не пришло в голову, что можно нажать кнопку звонка, а показалось значительно более легким упереться коленкой в дверь и без излишних усилий, почти без треска выломать ее. Он очутился на широкой мраморной лестнице. Глаз зверя, привыкшего к темноте, хорошо разбирался в полумраке ночного дома. Он без труда определил, что на втором этаже, в первой комнате направо, горит свет. Он поднялся на второй этаж и расстворил незапертую дверь. Эта комната была спальней Элизабет.

На диванчике — в беспорядке разбросанные платье и белье. У кровати — пара бархатных туфелек. На маленьком спальном столике горел голубой ночничок и лежал раскрытый томик Ницше. Добродетельная Элизабет под впечатлением вечерних стихов разметалась на постели. Голубое шелковое одеяло сбилось, и горилла увидел добродетельную докторшу в таком виде, в каком не видел ее, наверное, даже собственный муж.

Вероятно, даже самый неразборчивый и распутный мужчина, увидев обнаженную Элизабет, почувствовал бы одно непреодолимое желание — прикрыть ее. Но гориллы понятия о красоте не соответствуют человеческим, поэтому и поведение его на этот раз, как и всегда, не соответствовало поведению человека..

Я не знаю, что в это время снилось добродетельной Элизабет. Только, наверное, ей снился приятный сон, так как во сне она улыбалась. И, наверное, этот сон был очень крепок, так как до самого утра она не проснулась. Куда делась ее бессонница? И далее утром, когда солнечные лучи уже залили всю комнату, ей было так жалко расставаться со своим сном, что она сначала схватила приснив-

шегося ей Лознгринна за руку, боясь, чтобы сон не улету-чился, и только тогда уже раскрыла глаза..

И тогда она увидела страшную волосатую рожу своего незваного гостя. Может быть, это ее супруг, внезапно вернувшийся из экспедиции, стал еще более похожим на обезьяну? Где там! Его ласки казались ей ласками мотылька по сравнению с бычачьими ласками этого господина. Она решила испугаться и закричать. Но нет, не стоило. Тогда пришлось бы навсегда расстаться со своим чудесным сновидением... С этими мыслями она разбудила гостя и, кокетливо запахивая свой кружевной пеньюар, прямо спросила у него: что ему, собственно, нужно?

Хромой, не знающий человеческих условностей, добро-совестно объяснил ей, что ему здесь нужно, а затем вручил ей записку от мужа.

Элизабет прочла и очень обеспокоилась. Она уже настолько свыклась со своей ролью очаровательной вдовушки, что совсем была не намерена вновь тянуть лямку добродетельной супруги. Она была неутешна, узнав о горестях доктора Пиккеринга, но стала еще более неутешной, узнав, что горилла собирается вскоре отпустить его на родину.

В это время в дверь постучали, и горничная доложила, что ночью произошло несчастье: кто-то выломал, двери в парадной. Однако хозяйка нисколько не взволновалась и тут же спокойно сообщила горничной, что из далеких стран приехал двоюродный брат покойного доктора, что он будет жить в их доме, и приказала приготовить ему комнату.

— Господин горил... — она на минутку задумалась, но сразу же нашлась, — господин Гориллиус, я надеюсь, вы спуститесь к завтраку.

Господин Гориллиус, как стал он с этих пор называться, прошел в отведенную ему комнату и мимоходом захватил с собой и горничную. Через полчаса молоденькая горничная, видимо, стала столь же добродетельной, как и хозяйка, потому что высоким воротничком и длинными рукавами прикрыла свою шею и руки.

Не успел горилла доесть утренний завтрак, как зазвонел телефон и нежный голос малютки Ганса вызвал его на улицу.

Выйдя из дому, горилла увидел открытый автомобиль. В нем сидели его новые знакомые.

Появление гориллы они встретили восторженными приветствиями, и сразу же машина помчалась по широким столичным улицам.

— Ну, как спали, уважаемый? — осведомился отчаянный Фриц.

— Как вам понравился наш город? — спросил малютка Ганс.

Но горилла не умел вести вежливого и безразличного разговора и не стал отвечать на эти пустые вопросы, а в свою очередь спросил:

— Так куда же вы меня везете, ослиные копыта, гнилые зубы из вонючей пасти бегемота?

Обоим очень понравилось такое обращение, и они охотно рассказали горилле про два старинных университета, столетиями враждующих и соревнующихся между собой. Узнав, что студенты должны обязательно бывать в университете и там их чему-то учат, Гориллиус спросил:

— Ну, и как же вас учат, бесшерстные павианы? Научили ли вас сломать хребет льву, вскочив ему на спину, или броситься с дерева на человека, раздавив его под собой в лепешку?

— Нет, вы несколько упрощенно представляете себе университет, — объяснял ему Ганс, — таким вещам, к сожалению, в университете не учат. Этому каждый из нас кое-как учится самостоятельно.

— А чему же тогда вас учат, правое легкое носорога?

— Чему? Ну, философии, истории, литературе, праву.

— Ах, дурачье, дурачье, жалкие слабосильные гусеницы, — жалел их горилла, — и на кой черт вам все это надо? Я вот никогда ничему не учился и живу так, что дай бог каждому. Отец научил меня одним ударом лапы разбивать спинной хребет любому животному. Дядя научил меня одной затрешиной сворачивать на сторону любой череп. Мама

научила меня прокусывать шею, какой бы крепкой кожей ни была она защищена. Что мне еще надо?

— Да, но вы все-таки, простите, горилла, а мы же люди, — пытался убедить его отчаянный Фриц.

— Да, я горилла и жалею вас, что вы не гориллы. Пока вы там занимаетесь науками, я прекрасно провожу время, сворачивая на сторону скулы, развлекаясь с самками и наполняя свой желудок.

— Да ведь он, пожалуй, и прав, — сказал малютка Ганс Фрицу. — Ах, почему, старина, и мы с тобой не обезьяны! Какая роскошная жизнь, какая свобода! Никаких экзаменов. Папенька мой подавился бы своей сосиской от злости.

Отчаянный Фриц мрачно изрек:

— Я даже начинаю думать, что в моих жилах течет обезьянья кровь. Во-первых, потому, что я никогда не испытывал уважения к наукам, а, во-вторых, еще Чарльз Дарвин говорил, что люди произошли от обезьян.

— Вот это здорово! — обрадовался малютка Ганс. — А то, глядя на своего папаню, я уже начал подумывать, что человек произошел от сосиски. Ай да Чарльз Дарвин!

— Да, но ты не учел, старина, что этот Дарвин почти большевик, а раз так, то и...

— В чем дело? Это мог сказать и Фридрих Великий...

— Гм... сомневаюсь.

— А почему он не мог этого сказать? Ну, хотя бы в пьяном виде.

— Вот только, если в пьяном, — согласился малютка Ганс, тщательно рассматривая свои толстые конечности.

— А тебе не кажется, старина, что если я встану во весь рост и несколько согну спину да опущу вниз руки, то я действительно буду похож на гориллу?

— Если и будешь похож, то лишь самую малость.

— Итак, господин горилла, разрешите мне считать себя вашим родственником.

— Жалкая киви-киви, — ответил горилла, — никогда человек не будет похож на гориллу. Но тот из вас, кто меньше думает, у кого сильнее бицепсы и в чьих жилах течет обезьянья кровь — тот достойнейший из вас.

— Я думаю, — размышлял малютка Ганс, — что в моих жилах все-таки течет обезьянья кровь. Еще в детстве папочка звал меня обезьяной. «Эх ты, моя обезьяна», говорил он. Я полагаю, что он имел на это какие-нибудь основания, а, как выдумаете?..

— Мой отец сам был обезьяной, — мрачно сообщил отчаянный Фриц о своем высокопоставленном отце. — Так нередко его называла мать, когда была пьяна и читала в газетах его речи.

Так, с большим увлечением, они восстанавливали свои генеалогические линии, пока не подъехали к самым воротам стадиона.

Все трибуны уже были заполнены. Гул стоял над футбольным полем. Краснолицые от выпитого пива, жаждущие приключений и событий, студенты Брюнхенского и Грюнхенского университетов с нетерпением ждали начала..

Наконец прозвучал свисток судьи, и на поле появились две команды. Брюньонцы были в красных фуфайках, а грюньонцы — в синих. Трибуны загудели, как улей. Мяч взлетел в воздух, и игра началась.

С первого же тайма с поля было унесено два игрока. Ганс, Фриц и горилла сидели довольно высоко и с увлечением следили за перипетиями игры. Как только успех изменял брюньонцам, они вскакивали с мест и начинали орать: «Наших бьют!!! Эй вы, ослиные уши, крепче, крепче же... в зубы, в зубы этому форварду!»

Слыша, что «наших бьют», горилла каждый раз начинал колотить себя в грудь и пытался прыгнуть вниз на подмогу «нашим». Только невероятными усилиями удавалось друзьям водворить его на прежнее место и несколько успокоить.

Но в разгаре второго тайма бек грюньонцев не только подставил ножку брюньонцу, но еще дал ему кулаком в зубы. А подлец судья, увидев брюньонца, утирающего кровь, присудил штрафной удар в пользу грюньонцев. Ну, как это было стерпеть?

— Судья подкуплен, подкуплен! — орали брюньонцы.

— Аааа! — шумели трибуны.

Ганс вскочил на скамью и стал с таким усердием приотпывать на ней, что скамья под тяжеловесным малюткой проломилась. Отчаянный Фриц мрачно засунул два пальца в рот и свистел, будто главарь разбойников, созывающий свою шайку.

Испугавшийся судья решил, что лучшее — это делать вид, что он ничего не замечает, надеясь, что страсти улягутся сами собой. Но они не улеглись, а даже, наоборот, достигли неистовства.

— Проучить его, собаку! — орал отчаянный Фриц, забрызгивая слюной всех орущих впереди.

— Аааа!.. — визжал во все горло пронзительным фальцетом малютка Ганс, потрясая кулаками.

Ну, такого испытания горилла, конечно, не выдержал! Одним рывком вырвался он от своих друзей, пролетел над рядами и оказался на самой вершине трибуны. Он вытянулся там во весь рост и грозно зарычал. Сотни кулаков внизу угрожали кучке людей, бегавшей по полю. Шерсть Гориллиуса встала дыбом. Шляпа поднялась над головой и будто повисла в воздухе. С отвисшей губой и пьяными от ярости глазами, с неистовым ревом, покрывшим рев обезумевшей толпы «болельщиков», он раскачался и одним прыжком очутился на футбольном поле около растерявшегося судьи.

Что случилось с публикой? Все глядели на поле и угрожали, кто брюньонцам, кто грюньонцам. Все услышали рев. Все увидели, что какая-то черная масса низринулась сверху. Брюньонцы подумали, что грюньонцы бросили бомбу. Грюньонцы подумали то же самое о брюньонцах. Короче говоря, паника поднялась невообразимая.

Раздавая во все стороны удары, тесня и давя друг друга, все бросились вниз, к полю, на выручку своим командам.

Горилла ворвался в толпу футболистов, уже смешавшуюся с озверевшими «болельщиками», и одним взмахом расшиб череп судье, затем уложил обоих беков и одного форварда. Публика еще не успела понять, что происходит и кто

кого бьет, так как горилла, размахивая длинными руками, разбрасывал всех вокруг себя, люди, разлетаясь, ушибали других, и казалось, что все поле кишит беснующимися и яростными драчунами, как отчаянный Фриц и малютка Ганс уже подросли и потащили Гориллиуса к выходу.

Пьяный от ярости горилла чуть было не перешиб хребет и Фрицу. Но разглядев, что это новый его приятель и что жертв на поле уже осталось немало, послушно дал себя увести.

Машина быстро помчалась по улицам, а Ганс и даже отчаянный Фриц в восторге хохотали от невероятного приключения, отличного зрелища, от решительности и предприимчивости своего человекоподобного друга.

По пути им встретилось немало машин, мчащихся навстречу. Это ехала полиция, торопилась к месту происшествия скорая помощь. Уже в вечерних газетах появились заметки:

«БОЙ НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

В разгаре футбольной игры между командами Брюнхенского и Грюнхенского университетов бек команды грюнхенцев, покойный господин Бресс, нарушил правила игры, случайно разбив лицо покойному господину Мейнингеру, чего не заметил судья, покойный господин Сиверс.

Публика стала настолько горячо протестовать против нарушения правил игры, что один почтенный господин выбросился из верхнего яруса трибуны. В результате чрезвычайно горячих протестов, перешедших во всеобщую свалку, без признаков жизни на поле остались почти целиком обе команды, судья, 15 человек из публики. 23 человека тяжело ранены, и 10 — отделались незначительными ушибами».

Ганс и Фриц не могли прийти в себя от восторга:

— Вот что значит действовать, а не болтать языком. Пока мы там орали да свистели, он раз-раз да и укокошил

десятки грюнбонцев. Вот у такого существа следует и нам поучиться.

И они стали называть Гориллиуса учителем, как первые христиане называли Христа.

После этого приключения всем захотелось хорошо выпить. Друзья поехали за город, в какой-то дачный ресторан, где отлично провели время, позабавившись с молодой буфетчицей, выпив целую бочку пива, разбив окна в двух небольших коттеджах, изувечив одного полицейского и раздробив хребет породистому быку-производителю.

Ночь застигла их в маленьком баре на большой дороге, где они сидели обнявшись и пели песню, путая строфы из песни студентов Брюнхенского университета и рева, привезенного гориллой с Нижней Гвинеи.

Нам ничего не нужно,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля.
Кроме крови тех кого мы не любим,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля.
Наши кулаки ищут драки,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля.
Наши языки ищут враки,
Ой-ля-ля, ой-ля-ля.

— Учитель, — говорил отчаянный Фриц заплетающимся языком, — я буду верен тебе до самой смерти. Располагай мною, учитель. Я всю жизнь искал такого учителя, как ты. Учитель, мы сделаем тебя царем и властителем, хочешь?

— Чего ж, мне к этому не привыкать. Я был хорошим вожаком горилльего стада, а среди вас, червяков, так тут и лягушка сможет стать вожаком...

И господин Гориллиус, вполне довольный своими первыми успехами, стал миролюбиво рычать себе под нос:

Наши маленькие детеныши, скорее начинайте убивать,
И тогда вы будете достойны называться гориллами

И сможете выбрать себе самку по вкусу
И забавляться с нею, когда хотите.

На этом кончается история первых успехов господина Гориллиуса в Европе и начинается другая история, которая, собственно говоря, и является предметом моего описания.

Глава четвертая

МЫ ГОРИЛЛЫ! МЫ ГОРИЛЛЫ!

«Моя душка, крошка Кэт! Я не могу найти таких слов, которые смогли бы передать тебе всю страсть и пламень охватившей меня любви. Я понимаю, что тебе очень трудно будет представить свою всегда такую благоразумную и выдержанную Элизабет в роли восторженной влюбленной. Но что делать, дорогая? Любовь не подвластна нашей воле. И молодая вдова может иметь душу девственной девушки.

Ты спросишь: кто он? О, душка Кэт, как трудно мне ответить тебе на этот вопрос. Он настоящий мужчина, идеал мужчины. Без сантиментов. Без размышлений. Он воюет и любит. Других дел он не знает. И с какой страстью он делает оба эти дела!.. Ах, Кэт!..»

Так писала Элизабет своей задушевной подруге.

«Уважаемая госпожа Хрупп! Примите поклон и благорасположение бедной, неутешной вдовы, оплакивающей своего незабвенного отважного супруга, отдавшего жизнь свою ради науки.

Я была бы счастлива, если бы увидела вас среди своих гостей, которые почтят меня своим присутствием на скромном рауте, имеющем быть в четверг, в пять часов вечера. Будут только свои, очень узкий и избранный круг.

Кроме того, не скрою от вас, будет один господин, недавно приехавший из Нижней Г'винии и уже успевший завоевать в нашей стране очень большую известность. Я ничего не буду писать вам о нем, ибо что я ни написала бы, это будет настолько бледнее оригинала, что вы сочтете меня бездарной. Не сомневаюсь, что его приглашением я доставлю вам колоссальное удовольствие.

Итак, жду вас, дорогая госпожа Хрупп, вместе с вашим уважаемым супругом».

Так писала Элизабет самой знатной и влиятельной даме столицы.

А в это время в дымном зале маленького бара за грязными столиками сидела большая компания. Были здесь и студенты Брюнхенского университета из числа тех, которым учение никак не давалось, были и друзья отчаянного Фрица по прежним его похождениям — торговцы кокаином, принципиальные сутенеры и члены клуба самоубийц. Сегодня угощали малютка Ганс и отчаянный Фриц.

— Теперь нам деньги совсем не нужны, — хвастался малютка Ганс, — теперь мне уж не придется клянчить у папаша, пусть папаня поклянчит у меня на свои сосиски и сардельки...

— Жизнь — это драка, — философствовал отчаянный Фриц. — Тот, кто рассуждает да выдумывает себе всяческие жизненные преграды да условности, тот червь. Надо жить так: что хочу да что могу, то и делаю. Вот в чем мудрость. А на других наплевать. Другие пусть сами за себя думают. А вообще думают только черви. Гориллы не думают. Надо жить, не думая. Пусть за меня думают мои кулаки.

— Папочка спрашивает меня: «Что это ты такую моду выдумал носить коричневую рубашку?» — весело рассказывал малютка Ганс. — И так, говорит, обезьяна, а в этой рубашке совсем, говорит, обезьянище. Ха-ха! А я ему и отвечаю: «Не хочу больше быть человеком, а хочу стать обезьяной. Что хочу да что могу, то и делаю...»

Окружающие с удовольствием пили их пиво, с интересом слушали их странные речи и с любопытством щупали их коричневые рубашки цвета горилльей шерсти.

— В нас течет обезьянья кровь, — в упоении философствовал отчаянный Фриц, — и всякую человеческую кровь, которая течет в иных жилах, мы выпустим к чортовой матери. Эй вы, кто не хочет думать, кто не хочет считаться с другими, кто хочет жить, как живут звери, — идите за нашим учителем. за нашим вожаком, господином Гориллиусом!. Я поднимаю кружку за горилл, за Гориллиуса, за зверей!... Хох-хох-хох! ..

В четверг состоялся раут у Элизабет Пиккеринг. Усиленный отряд полиции охранял квартал. Одна за другой к ярко освещенному подъезду особняка подкатывали машины, и из них выходили мужчины и дамы. Здесь был весь цвет нации. Министры, фабриканты, банкиры, политические вожди, дипломаты и несколько представителей науки и искусства.

Свет хрустальных люстр множился в лысынах, в блестящей мишуре военных и белоснежном белье штатских. Дамы сияли бриллиантами, соперничая своим ослепительным сиянием с люстрами. Одна лишь добродетельная Элизабет была одета в платье с высоким воротником и длинными рукавами.

Она была приветливой и гостеприимной хозяйкой. Каждой гостье она шептала:

— Скоро придет господин Гориллиус, о, вы влюбитесь в него, я уж знаю...

Уже собрались все. Приехали господин Хрупп с супругой, министры, посланники и артисты. Ждали только господина Гориллиуса.

Никто в высшем обществе Гориллиуса еще не видел. Но имя его было известно многим. Благодаря малютке Гансу и отчаянному Фрицу слава господина Гориллиуса быстро распространилась по всем пивным, барам и низкопошибным ресторанчикам. Боксеры передавали друг другу новый прием: удар Гориллиуса. Сутенеры передавали друг другу новый прием: любовь Гориллиуса. Неспособные студенты, отказываясь от сдачи экзаменов, ссылались на Гориллиуса.. Бандиты, кокаинисты, потомки сосисочников и сарделечников повторяли: что хочу да что могу — то и делаю.

Гориллиус стал героем дня. Поэтому в высшем обществе проявляли нескрываемый интерес к этому субъекту, называвшему себя гориллой, завоевавшему такую популярность, утверждавшему столь оригинальные вещи.

И вот, наконец, появился сам господин Гориллиус. Он вошел в ярко освещенный зал в сопровождении своих двух друзей, одетых в коричневые рубашки цвета горилльей шерсти.

Казалось бы, что животное, лишь совсем недавно попавшее из диких джунглей в европейскую столицу, должно было бы растеряться, смутиться от десятков глаз, устремленных на него. Но ничуть не бывало. Горилла нисколько не смутился. Чего ему было смущаться, когда для него не существовало понятий чести, гордости, тщеславия, достоинства? Терять ему было нечего.

Он прошел по залу, будто и не заметив гостей. Только проходя мимо слишком обнаженных женщин, он слегка раздувал ноздри, и у него загорались черные, глубоко посаженные, глазки. Он подсел к Элизабет и довольно грубо облапал ее. Один за другим спешили гости знакомиться с ним. Он, сурово насупившись, протягивал каждому свою коричневую лапу и пожимал руку так, что люди морщились и гримасничали от боли.

Когда очередь дошла до министра господина фон Мамена, он подскочил своей молодящейся походкой и, прижав руки к груди, произнес:

— Ах, дорогой господин Горилл...

Гориллиус зевнул и прорычал:

— Ну, хватит, мне это надоело. Давай чего-нибудь пожрать.

— Ах, ах, — подхватили дамы и кавалеры, — какая непринужденность, какая непосредственность: «давай чего-нибудь пожрать». Вот подлинно сын природы! Ах, ах!..

— Ну, ну, чего раскудахтались, визгливые курицы, марш в столовую, пока я не раскокал ваши птичьи черепа...

— Ах, ах, — восторгались дамы и мужчины, — чего, спрашивает, раскудахтались... Как очаровательно!.. Какой сочный язык, какая свежесть мысли!

За столом Гориллиус сидел между госпожой Хрупп и очаровательной Элизабет.

Он ни за кем не ухаживал. Сгробал со стола все самое вкусное и, нередко забываясь, начинал хватать куски руками прямо из блюда или вазы, при этом громко чавкая, сопя и разбрызгивая соуса на туалеты своих соседок.

Однако все это воспринималось высшим светом как проявление чрезвычайной оригинальности, непосредственно-

сти, экстравагантности, независимости и протеста против условностей.

— Скажите, — кокетливо спрашивала у него госпожа Хрупп, — правду ли говорят, что вы не человек, а горилла?

— А ты как думаешь, голобедрая самка? — отвечал он, взяв с блюда целого гуся и разрывая зубами его мясо. — Я разорвал бы нутро своей матери, если бы она родила меня жалким человечком, — говорил он, чавкая и лязгая зубами.

— Ах, вы слышите, он бы разорвал нутро своей матери... — передавали гости один другому, вокруг стола.

— А каковы ваши политические убеждения? — не унималась госпожа Хрупп, желая занять и развлечь своего оригинального соседа.

— Это вы, людишки, занимаетесь убеждениями. А нам, зверям, убеждения ни к чему. Мои убеждения — это мои кулаки. Вот какие мои убеждения.

— Ах, как это оригинально и мудро! — воскликнул господин министр фон Мамен. — «Мои убеждения — это мои кулаки!» Это изречение достойно Фридриха Великого, господя! «Мои убеждения — это мои кулаки!»

— Но все-таки, какова же ваша программа? — настаивала госпожа Хрупп.

— Ох пристала, ох пристала! — отмахивался горилла, вытирая свою сальную морду рукавом черного фрака. — Какая там программа? Я хочу есть, пить, спать со своими самками да ломать хребет всякому, кто помешает мне это делать.

Господин фон Мамен даже подскочил от энтузиазма:

— Вы послушайте, господя, какая глубина мысли! Ведь это же глубочайшая философия! Ведь программы всех политических партий по существу сводятся к тому, чтобы дать человеку возможность есть, пить да... э-э-э... любить. Ведь в этом по существу корень всей политики. Ведь это по существу и есть разрешение рабочего вопроса и всех других вопросов! Ведь это же подлинная философия!

— Какая там философия? Чего ты бубнишь, старый осел? — удивился Гориллиус. — Просто есть, пить да развлекаться с самочками без всякой философии!

— Но, простите,— отложил в сторону нож и вилку профессор Давид Дерви. — А наука? Познание природы? Расширение своих знаний?

— Жри ее сам, свою науку, я и без нее сыт! — коротко ответил Гориллиус.

— Но искусство? — спросил Авраам Равинский. — Разве может человек жить без искусства? Без музыки?

— Моя музыка в моем животе, — глубокомысленно разъяснил горилла. — Когда там полно, там что-то бурчит. Лучшей музыки мне не надобно.

— А как же, простите, господа, мне не понятно, — почти плача, взмолился Роберт Ван Барро, — а для чего же лучшие люди человечества создавали свои изумительные творения, для чего же жили Рафаэль, да Винчи, Гойя, Роден? Для чего неизвестный гениальный ваятель сделал свою мраморную Венеру?

— Спи сам со своей мраморной Венерой, а мне больше по нраву этакая волосатая....

Дамы и мужчины повторяли каждое слово гориллы, восторгаясь смелостью его суждений...

Но старик Давид Дерви поднялся из-за стола.

— Я не могу с этим согласиться, господа. Господин Гориллиус хочет низвести человечество до уровня животных.

— Почему низвести? — вмешалась Элизабет Пиккеринг. — Вы, может быть, слышали, что один молодой студент, который, кстати, присутствует здесь, нашел в архивах Брюнхенского университета высказывания Фридриха Великого, что человек произошел от обезьяны и надо нам возвыситься до наших предков.

— Да, да, я тоже слышал об этом крупнейшем открытии, — поддержал министр фон Мамен.

— Но, господа, — дрожащим голосом взывал Авраам Равинский, — если нам надо уподобиться обезьянам, то кому нужна моя симфония? В ней выразил я всю мощь, всю силу и красоту человеческого духа. Я вложил в нее все самое лучшее, что у меня есть. Свою душу, свою страсть, свою любовь к человечеству. Так неужели же бурчание живота вам будет приятнее и нужнее?

— Ха, ха, вот именно бурчание живота, если хотите, приятнее, как говорит господин Гориллиус! — поспешила ответить Элизабет.

— Так вы хотите закрыть музеи, покрыть чехлами статуи? — в ужасе шептал Ван Барро.

— Нет, старая песочница, я хочу сломать эти статуи и кусками бить по твоей глупой башке, — охотно пояснил Гориллиус.

— Господин, вы забываетесь, — вспыхнул Ван Барро и вскочил из-за стола. — Я не позволю себя оскорблять, я член Академии, я...

— Ты член Академии? Подумаешь, шишка! А я горилла... Так кто же из нас сильнее?

И с этими словами господин Гориллиус откинул свой стул и перепрыгнул через стол, опрокинув бутылки и свалив на пол блюда и тарелки. Схватив старого художника своими могучими лапами, он подбежал с ним к окну и замахнулся...

Все вскочили из-за стола. Авраам Равинский и Давид Дерви раньше всех очутились около гориллы, чтобы спасти старого и уважаемого художника.

— Что вы делаете? Опомнитесь! — кричал Равинский.

Но было уже поздно. Стекло зазвенело, и Роберт Ван Барро вылетел с третьего этажа на площадь.

Равинский вцепился в шюртук гориллы, но тоже был поднят кверху и с размаха выброшен вслед за художником. За ними последовал и их третий приятель...

Тогда горилла обернулся. Он был страшен в этот момент. Его шерсть стояла дыбом, пена стекала по отвисшей губе. Забывшись, он встал на четвереньки и несколькими прыжками добрался до двери.

Гости стояли пораженные.

— Он понервничал, — объяснила Элизабет, — он ужасно вспыльчивый, его нельзя раздражать.

— Да нет, — поправил ее господин фон Мамен, — господин Гориллиус не столько нервен, сколь принципиален. Он готов кровью отвечать за свои убеждения. Он урожденный политический вождь.

Господин Хрупп единственный из всех гостей продолжал спокойно доедать крылышко рябчика. Все, что не грозило его прибылям, его нисколько не волновало. «Ну, время знаменитостями будет меньше на земле... Тоже событие!» Однако, когда его супруга вернулась на место, он выдал из набитого рта несколько слов, прерываемых длинными паузами, чтобы прожевать пищу.

— Вот, мамочка, человек сильной воли. Не слов, а... действий... вот такое бы мне правительство, это... не то, что всякие там... мамены... Он бы уж... не дал спуска марксистам и рабочим... Пригласи его, мамочка, как-нибудь к нам...

Эти слова хотя и были сказаны совсем тихо и предназначались только для госпожи Хрупп, но были услышаны всеми. Потому что так уж устроено человеческое ухо, что чем тише слово сказано, тем громче оно звучит... И тотчас все стали передавать друг другу на ухо:

«Вот человек воли и действия, это не то, что там всякие мамены...»

И даже сам министр господин фон Мамен, и тот потихоньку сообщил своему соседу: «Вы слышали, что сказал господин Хрупп? Он сказал: вот человек воли и действия, это не то, что всякие там... такие...»

Но не успели еще гости разойтись, как услышали сильный грохот, доносящийся сверху. Озабоченная Элизабет хотела подняться на четвертый этаж, посмотреть, что там происходит. Но сделать это ей не удалось, так как по лестнице сверху вниз катились люди: один, другой, третий... Докатившись до площадки и чуть не сбив с ног хозяйку, они растерянно поднялись на ноги. Потирая ушибленные места, перед нею предстали шесть полицейских.

— Что вы здесь делаете? — спросила Элизабет.

— Как видите, — доложил молоденький офицер, — мы подверглись сопротивлению. У меня есть ордер на арест господина Гориллиуса за убийство Роберта Ван Барро, Да-вида Дерви и за увечье Авраама Равинского. Но господин Гориллиус не захотел идти под арест и, как видите...

— Да, господа, вам не легко будет справиться с ним, и я бы советовала оставить его в покое...

— Да, мадам, но, мадам, конституция. Нельзя... он же убил, так что нам придется вернуться с удвоенным составом отряда.

И действительно, это было не пустой угрозой. Вскоре вернулся значительно больший отряд полиции. Наверху прогремели выстрелы. Но когда Элизабет выбежала наверх, чтобы спасти своего господина Гориллиуса, ее опять чуть не сшибли с ног полицейские, которые вновь катились по уже знакомому наклонному пути.

— Что же делать, мадам? — сказал ей офицер. — Вы уж извините нас за беспокойство, но нам придется взять господина Гориллиуса приступом.

— Господа, — ответила Элизабет, — если уж совершенно необходимо арестовать его, то я уговорю его отдаться вам в руки добровольно, потому что он ничем не рискует: преступление его ничтожно. Так сказал сам министр внутренних дел фон Мамен. Эти господа сами вели себя вызывающе и оскорбительно отзывались о принципах господина Гориллиуса. А все трое бесполезные и нежизнеспособные интеллигенты. Но... одно условие: в его камере должна быть мягкая удобная постель. И один ключ от камеры должен быть вручен мне, так как я хочу лично проверить, в каких условиях он будет содержаться. Если вы не можете дать мне на это разрешение, то я сейчас же получу его от министра внутренних дел фон Мамена.

После этого Элизабет поднялась к Гориллиусу и сказала ему проникновенным голосом:

— Ну, горилльчик мой, ну не сердись, не надувай губок. Дай арестовать себя, и завтра ты будешь выпущен с таким почетом, какого еще не видел.

Гориллиус покорно спустился вниз и даже протянул свои лапы, чтобы на них надели ручные кандалы. Но кандалы не сошлись на слишком толстых запястьях, и без кандалов его посадили в автомобиль и увезли в тюрьму,

Когда автомобиль отходил от дома, из окон третьего этажа высунулось много рук. Ему махали цветами, бокалами и кричали:

— Не унывайте, господин Гориллиус! Вы скоро будете свободны. Вы жертва полиции, как и все политические вожди! Пока! Пока!

На следующий день во всех газетах появились сообщения об аресте господина Гориллиуса.

Крупнейшая газета, издававшаяся на средства господина Хруща, вышла в этот день с передовой, озаглавленной: «Руки прочь от нашего господина Гориллиуса».

«Вся страна негодует! — начиналась передовая. — Вопиющее бесчинство допустила полиция, посадившая под арест вождя всех тех, кому надоело водиться с интеллигентами, мыслителями и другими марксистами, господина Гориллиуса. Господин Гориллиус — лучший представитель нашего поколения. Не мешало бы нашему правительству многому поучиться у господина Гориллиуса.

Дорогой господин Гориллиус! Выкинув в окно трех паршивых евреев (двое из них хотя и не евреи по крови, но евреи по духу), ты сделал общественно-полезное дело. Потому что ни для кого не секрет, что история Давида Дерви подстрекала рабочих к бунту. Симфонии Авраама Равинского делали рабочего таким самоуверенным, что он готов был пойти против своих хозяев, а картины Ван Барро нередко изображали революционеров разных эпох.

Нам не нужно никаких интеллигентов, потому что всякая интеллигентность является пособничеством марксизму. Бурчание живота нам дороже симфоний всех Равинских и Бетховенов. Наши собственные жены нам дороже мраморных венер.

Еще Фридрих Великий сказал: «Назад к обезьянам!». Так станем же обезьянами, этими нашими благородными праотцами, сворачивающими скулы всем и всяким своим врагам, ломающим хребты и черепа!

Надевайте коричневые рубашки цвета горилльей шерсти! Мы требуем немедленного освобождения Гориллиуса! Если вы не выпустите нашего вожака, то мы выпустим ваши кишки!»

Социал-демократическая газета освещала это событие несколько иначе. Она писала:

«Мир вашему праху, дорогие и незабвенные Роберт Ван Барро и Давид Дерви. Нет слов выразить нашу печаль. Но вы пострадали за свою несдержанность и за свой темперамент, потому что каждому понятно, что вы не должны были перечить уважаемому господину Гориллиусу, который не терпит споров. Что же, все великие люди несдержанны. Вы умерли благородной смертью, и история вас не забудет».

И только одна небольшая газета писала:

«На наших глазах сейчас происходит удивительная комедия, которая может превратиться в трагедию. Дикая горилла, попавшая в нашу страну, является орудием в руках тех, кому это выгодно. Дикая горилла проповедует необходимость возвращения к животному образу жизни. Массовый психоз начинает овладевать многими неустойчивыми людьми, запутавшимися в общественных противоречиях. Но рабочий класс и подлинная интеллигенция никогда не согласятся подражать диким зверям, а будут стремиться к расцвету человеческих способностей, культуры и искусства. Мы требуем от правительства, чтобы горилла, которая сейчас находится в тюрьме, была бы немедленно, без суда и следствия (так как нельзя зверя судить по человеческим законам), отправлена в зоологический сад и посажена в клетку. Такова воля всего народа, всего рабочего класса, всех действительно передовых людей нашей страны».

Так или иначе, но все газеты писали о господине Гориллиусе. И в этот день его известность неизмеримо выросла.

В полдень на площадь перед тюрьмой вышла колонна демонстрантов. Впереди шли малютка Ганс и отчаянный Фриц. Они были одеты в коричневые рубашки, как и большинство идущих за ними. Среди демонстрантов в автомобиле ехала Элизабет Пиккеринг, также одетая в коричневое манто, сделанное из обезьяньего меха. Рядом с нею сидело еще несколько высокопоставленных дам и мужчин. Демонстранты были вооружены дубинками, палками и камнями. Над их головами колыхались плакаты и лозунги:

«Один палец гориллы стоит больше, чем все интеллигенты вместе».

«Долой человеческую культуру! Долой условности! Долой мысль! Станем гориллами!»

«Что хочу да что могу — то и делаю!»

«Выпустите нашего Гориллиуса, а не то мы выпустим ваши кишки».

Как только колонна демонстрантов два раза продефилировала мимо тюремных стен, с другой улицы приехал министр фон Мамен. Он робко постучал в камеру Гориллиуса и спросил:

— Разрешите войти?

— Входи, копыто жирафа..

— Здравствуйте, господин Гориллиус! Я должен вам принести извинения за причиненное беспокойство. Вы можете считать себя свободным. Присужденный с вас штраф в сумме двадцати пяти марок изволила уплатить госпожа Хрущ.

Услышав это, горилла оттолкнул фон Мамена и, прихрамывая, вышел из тюрьмы, провожаемый почтительными поклонами тюремщиков.

На площади он увидел толпу. В воздух полетели шапки.

— Да здравствует горилла! — орали коричневые люди.
— Да здравствует господин Гориллиус, наш вожак и учитель!

Горилла был доволен. Он подумал: «Надо будет сказать Элизабетке, чтобы она дала телеграмму в Нижнюю Гвинею, пусть пошлют нарочного в долину Горячих Вод и доставят на пароходе в Европу все мое стадо и самого обезьяноподобного».

Между тем его сразу же окружили приближенные. Малютка Ганс, отчаянный Фриц и добродетельная Элизабет пожимали ему руки и обнимали его.

— Надо выступить! — сказал отчаянный Фриц. — Надо сказать речь.

— Ну и говори сам, длинноязыкая ящерица.

— Нет, надо, чтобы вы сами сказали речь, учитель... Видите — все ждут.

— Моя речь — это мои кулаки. Я могу ими расшибить все это стадо и проломить все черепа, а говорят пусть другие.

— Это все друзья ваши, и они хотят слушать ваш драгоценный рев.

Тогда горилла встал во весь рост на сиденье автомобиля и зарычал на всю площадь:

— Эй вы, людишки, чего собрались глазеть на меня, будто я черепаха. Вместо того чтобы болтать языком, шли бы вы развлечься и потрясти кулаками, а то как бы у вас кулаки не отсохли от бездействия. За мной, людишечки, за мной!

И он соскочил с автомобиля и скачками понесся через площадь, объятый жаждой бить, крошить, убивать, рвать...

— Сюда, сюда, — говорил ему малютка Ганс, — здесь живут рабочие моего папаша... Все они мечтают читать и учиться. Поучим-ка их, учитель...

Учителю было совершенно безразлично, кого бить. Сюда — так сюда...

Во главе большой коричневой толпы добежали они до района, который был населен рабочими и трудовой беднотой, и стали крошить окна домов и магазинов. Прохожие спрятались в подворотни, но их вытаскивали и били. Горилла хватал людей за ноги и разбивал им черепа о фонарные столбы.

За одним из углов большая толпа рабочих, вооружившись чем только можно и забаррикадировав улицу ящиками, кроватями, бочками, преградила погромщикам путь.

— Успокойтесь! — кричали из-за баррикад люди. — Придите в себя, безумцы! Посмотрите, на кого вы похожи! Вы действительно потеряли человеческий облик и стали похожи на своего вожака...

— Ууу... — ревели коричневые люди, — мы и есть гориллы. Бей, кроши, режь! ..

Но люди оказались не трусами. И, несмотря на всю гориллю ярость, они не дали бы им продвинуться ни на один

шаг дальше, если бы не отряд полиции, примчавшийся на автомобилях и мотоциклах из центра города..

— В чем тут дело? — заорал офицер, обращаясь к людям, стоящим за баррикадой. — Кто вам дал право нарушать правила уличного движения и закрывать дорогу для гуляющей публики?

Один из обороняющихся крикнул:

— Мы защищаем свои жизни, свои семьи, свои дома! Посмотрите на их разъяренные морды...

— При чем тут морды? — еще громче закричал офицер, — Они просто веселятся, а мы не допустим, чтобы всякие проходимцы мешали веселиться честным людям.

И с этими словами он отдал приказ стрелять по баррикаде.

На следующий день газеты, принадлежащие господину Хрущу, писали:

«Вчера вечером компания молодежи, во главе с господином Гориллиусом, гуляла по городу, когда на нее напала толпа марксистов и революционеров. Господин Гориллиус проявил себя как подлинный патриот. Памятуя, что лучшая защита — это наступление, он так проучил напавших на него большевиков, что если бы правительство поучилось у него, то был бы давно урегулирован рабочий вопрос и не было бы никаких революционных беспорядков».

Известность Гориллиуса росла буквально по часам. Самые светские дамы стали носить, по примеру Элизабет и госпожи Хрущ, манто из коричневого обезьяньего меха. Появилась модная прическа а-ля-горилль. Она заключалась в том, что волосы начесывались на лоб, чтобы лоб казался как можно меньше.

Самым модным цветом стал коричневый. Дамы носили туфельки, покрытые коричневой шерстью. Они назывались гориллетки. Мужчины стали носить манишки коричневого цвета, которые именовались гориллками.

В ресторанах, барах и пивных играли и напевали новый самый модный фокстрот «Мы гориллы! Мы гориллы!». Он начинался так:

Ах, мы гориллушки, ах, мы животные,
Мы не мудры, но так сильны!
Всегда мы яростны и беззаботные,
А наши самочки так милы!

Оставим книжки мы, сломаем скрипки мы
И будем слушать, как бурчит живот!
Потом мы с улыбками, потом с ужимками
Набьем продуктами свой жадный рот!

Ах, мы гориллушки, ах, мы животные,
Мы не мудры, но так, сильны!
Всегда мы яростны и беззаботные,
А наши самочки так милы!

Между тем Брюнхенский университет издал диссертацию отчаянного Фрица, благодаря которой он получил ученую степень доктора исторических наук. Диссертация эта была не длинной, вернее даже совсем короткой — на одну страничку. В ней отчаянный Фриц сообщал, что в результате длительных научных трудов ему удалось доподлинно установить, что еще задолго до Дарвина Фридрих Великий высказал мысль о родстве человека и обезьяны и призвал вернуться к обезьяньему существованию.

Вслед за этим сообщением было приведено заключение ученой комиссии. Это заключение гласило, что открытие молодого коллеги имеет колоссальное научное и политическое значение. Комиссия видит свидетельство особенно серьезного отношения и глубоко научного подхода молодого ученого к фактам в том обстоятельстве, что диссертант не нашел нужным ничего добавить и как-либо комментировать исторические слова Фридриха Великого, проявив в этом похвальную скромность. В силу всего вышеизложенного комиссия присуждает диссертанту докторскую степень, а также обращается в Академию с просьбой избрать молодого ученого в ряды бессмертных.

Вскоре после этого госпожа Хрупп, согласно желанию своего высокопоставленного супруга, пригласила Гориллиу-

са посетить их дом. После окончания парадного обеда господин Хрупп пригласил Гориллиуса в свой кабинет и, открыв перед ним ящик с сигарами, сказал:

— Ну, теперь мы с вами поговорим как мужчина с женщиной. Я с большим вниманием слежу за вашей деятельностью, дорогой господин Гориллиус, и больше того, для вас не секрет, что я вас поддерживаю. В этом вы могли убедиться. Однако, мой дорогой, мне непонятна ваша цель. Собственно говоря, с кем же вы воюете и за что?

Горилла задумался. Цель? Действительно, какова его цель? И с кем же он, действительно, воюет?

— Воюю я, — ответил он наконец, — со всеми людьми.

— С людьми? Но это же наивно. Ведь люди такие разные. Вот я, например, человек. И мой рабочий тоже человек. Так разве же вам все равно кого убивать?

— А я того убиваю, кто меньше похож на гориллу, кто более голотельный, бессильный, кто вызывает мою ярость и мое гориллье презрение.

— Те-те-те, мой милый, да вы еще, как я вижу, совсем глупый. Вы в политэкономии ничегошеньки не разбираетесь. Ну, хорошо, я вас быстренько научу. Скажите мне, мой дорогой, чего вы, собственно, хотите от жизни?

— Опять старая песня, — недовольно ворчал горилла, не любивший разговоров вообще, а тем более на такие абстрактно-философские темы. — Я уже двадцать раз говорил, что я хочу крови, чтоб зубы и когти мои не тупились, чтоб мускулы не обмякли. Затем я хочу...

— Одну секунду, батенька, не торопитесь. Так и запишем: первое — крови. Дальше. Второе?

— Пищи.

— Так, пищи. Третье?

— Самок.

— Пишем: третье самок. Дальше?

— Дальше? Дальше? Ну, вот и все. Больше мне от жизни ничего не надо.

— Прекрасно! — обрадовался господин Хрупп и даже привскочил с кресла, потирая руки. — Прекрасно, очаровательно, превосходно. Я вас берусь в избытке обеспечить

кровью, пищей и самками. Хорошо? Больше того, я сделаю вас самым влиятельным лицом на свете. Пожалуйста! Но за это вы должны направить свою ярость против тех, на которых я укажу. Согласны? Еще бы, почему бы вам не согласиться! Не все ли вам равно, кого давить и грызть? Правда? А меня ваша программа вполне, вполне устраивает. Хотя вы и обезьяна, я вам откровенно скажу, что я не откажусь, чтобы на моем заводе работали обезьяны, а не люди. Никаких книг, которые обычно являются рассадником марксизма! Никаких образований, никаких требований! Восторг, ей-богу, восторг! Вот мы с вами и стали друзьями. Ха-ха! Господин Хрупп и господин Гориллиус! Неплохой союз. Это ничего, что вы обезьяна. Раз вы мне поможете приумножить мои прибыли, то вы можете быть хоть чортом, хоть дьяволом, это ваше личное дело. Короче говоря, выставьте свою кандидатуру в члены правительства. Я ее подержу, будьте покойны... Я не стану вам объяснять, что такое кандидатура и как ее выставить. Предоставьте действовать мне и вашим человеческим друзьям. Итак, я вас больше не задерживаю, мой дорогой, у меня, знаете ли, дела...

И он быстро пожал своей пухлой ручкой мохнатую лапу гориллы и бросился к телефонам, отдавая разнообразные распоряжения своим банкам, рудникам, заводам.

Вернувшись домой, Гориллиус встретил очень обеспокоенную Элизабет.

— В чем дело, Элизабетка?

— Дело плохо, мой горилльчик. Я получила радиogramму: твое стадо, а с ним и мой муж завтра прибывают сюда.

— Ну и что же?

— Но он мой муж.

— Ну и в чем же дело?

— Но я должна быть ему верна. Ах, и кто теперь будет выискивать у тебя по вечерам насекомых, и кто будет теперь расчесывать твою коричневую шерстку?

— Ты, — ответил Гориллиус. — Еще не было в моем стаде такого самца, который отбил бы у меня самку. Я раскрошу ему череп и вырву ноги из их основания, если толь-

ко этот беложивотый пингвин посмеет к тебе хоть прикоснуться.

Однако Элизабет не повеселела.

— Но и ты меня наверно разлюбишь. Ведь приедут твои старые самки.

— Дура! — сурово ответил горилла. — Если бы даже у меня было и сто самок, я никогда не отказался бы от сто первой.

В день приезда горилльего стада все приверженцы Гориллиуса были взволнованы и празднично настроены. К порту направилась большая колонна гориллоподобных, одетых в коричневые рубашки. Впереди колонны в автомобилях ехали господин Гориллиус, Элизабет и многие официальные лица города.

Когда пароход подошел к причалу, сводный государственный оркестр, по взмаху дирижерской палочки, заиграл фокстрот «Мы гориллы! Мы гориллы!». Но Гориллиус подошел к дирижеру и одним взмахом швырнул его в воду. За ним полетели еще несколько скрипачей, трубачей и кларнетистов, вместе со своими инструментами.

— К чорту музыку! — проревел Гориллиус. — Лучше заведемте наш гориллий рев.

И он вскочил на сиденье автомобиля и стал бить себя в грудь и реветь, как, бывало, ревел он в долине Горячих Вод. И гориллы, услышав его рев, ответили ему с палубы парохода могучим, яростным и страшным хором.

Малютка Ганс и отчаянный доктор Фриц тоже хотели реветь по-гориллы, но их голосовые связки были мало к этому приспособлены. Поэтому Ганс визжал голосом, скорее напоминающим пороссячий визг, чем рев гориллы, а отчаянный доктор Фриц просто пританцовывал и колотил себя в грудь. А кругом стояла такая какофония, что если бы Авраам Равинский не умер от увечий после своего падения на площадь, то он умер бы сейчас, потому что не смогло бы ухо музыканта вынести такой какофонии.

Доктор Пиккеринг, услышав этот вой, подумал:

— Ну, пусть их повоюют в последний раз, по крайней мере я-то уж больше никогда не услышу этого мерзкого рева.

Через одну минуту я опять буду в Европе, среди людей, опять возьму в руки свои книги, услышу музыку, человеческий голос.

Он вышел на палубу и увидел большую толпу встречающих. Он не сомневался, что это встречают его, и слезы умиления и любви к родине выступили на его глазах. Он хотел первым сойти по трапу, но гориллы оттеснили его. Они прошли вперед, и их встречали букетами цветов.

«Уж не горилл ли встречает вся эта толпа людей?» — подумал Пиккеринг и усмехнулся: настолько эта мысль была нелепой. Он последним сошел на родную землю. Он упал на колени и поцеловал асфальт своей родины. Потом поднялся и громко сказал так, чтобы слышали его все:

— Вот и окончились мои ужасные испытания. Люди, как я счастлив быть среди вас! Как счастлив видеть я человеческие лица! Только прожив год среди зверей, среди этих мерзких кровожадных горилл, можно воистину оценить, какое неизмеримое счастье быть человеком. Человек — это звучит так гордо, так...

Но он не сумел досказать свою мысль. Шляпа, которую он держал в руках, покатилась на землю. Он увидел перед собой заросшее рыжей щетиной лицо малютки Ганса и его рубашку цвета горилльей шерсти. Горилльим приемом — ударом кулака в живот — малютка Ганс сбил с ног доктора Пиккеринга.

— Жалкий человечешко, хвост черепахи, желудок лягушки! — рычал малютка Ганс. — Как ты смеешь гордиться тем, что ты жалкий человек, когда мы гордимся, что стали гориллами!

— О, мой бог! — проговорил доктор Пиккеринг, стоя опять на коленях и закрыв лицо руками.

— Не бейте его, — сказал чей-то женский голос, — не бейте его, он еще не пришел в себя после переезда.

— Это ты, моя дорогая, Элизабет? — узнал ее по голосу Пиккеринг.

— Да, это я, бывшая твоя самочка.

— Что? — переспросил доктор, думая, что он ослышался, и содрогаясь от ужаса..

— Она теперь уж не твоя самка, печень лягушки, а моя самка, — прорычал над ним грубый голос, в котором он узнал голос хромого вожака стада. — Отойди от него, Элизабетка, а не то я проломлю череп и тебе и ему. Ну, открой глаза, старый попугай. Посмотри на меня, Хромого. Посмотри, какое теперь у меня стало стадо. Взгляни...

Доктор открыл глаза и увидел, что Хромой одной рукой прижимает к себе Элизабет, а другой указывает на тысячную толпу людей, одетых в коричневые рубашки.

И ему стало страшно, бедному доктору Пиккерингу .

— Люди! — воскликнул он. — Моя Элизабет! Люди мои! Очнитесь! Очнитесь! Ужели этот непристойный, вонючий, кровожадный зверь стал вашим вождем? Ужели вы хотите променять свое человеческое достоинство на это скотство? Ужели...

Но он опять не договорил. Лохматая хромая нога господина Гориллиуса с силой стукнула его по подбородку. Удар был так силен, что доктор несколько раз перевернулся в воздухе и шлепнулся в густую от бензина, грязи и отбросов портовую воду. И таким свойством обладает эта вода, что даже круги на ней не расходятся, когда падает в нее человеческое тело.

На этом кончается история жизни доктора Пиккеринга и начинается другая история, которая, собственно говоря, и составляет предмет моего описания.

Глава пятая

ПЕРЕВОРОТ

Прошло совсем немного времени после смерти доктора Пиккеринга, и господин Гориллиус стал самой популярной личностью в этой удивительной стране. Тысячи людей были охвачены буквально каким-то психозом преклонения перед гориллами и подражания им. Впрочем, это легко объяснить. У всех еще свежи были в памяти расправы с Робертом Ван Барро, Давидом Дерви, Авраамом Равинским, доктором Пиккерингом и многими другими. Таким образом, каждый, кому была дорога своя шкура, предпочитал не только преклоняться перед обезьяньей шкурой, но и самому переменить свою шкуру на обезьянью. Трудно приходилось тем людям, которые не хотели перенимать обезьяньи нравы. В стране стал царить произвол. Гориллам ничего не стоило изнасиловать проходящую мимо женщину, убить человека только за то, что он человек, разграбить магазин. И, чтобы сохранить свою жизнь, люди вынуждены были принаравливаться к этим горилльим нравам, дабы не быть слабейшими.

Элизабет не слишком огорчилась трагической смертью своего супруга. Новые заботы отвлекали ее от мыслей о нем. Предстояло торжественное открытие созданного ею пансиона для воспитания человеческих юношей в горилльем духе.

Гориллоподобным юношам она предоставила помещение, раньше занятое благородными фокстерьерами, Маленькие благородные фокстерьеры уступили место мальчикам, чья наружность, поведение и склонности были наименее человеческими и наиболее звериными.

Директрисой пансиона была сама Элизабет. Ученым секретарем и старшим воспитателем был приглашен самец из стада Хромого, по прозвищу Шерстобедрый. Это был старый и свирепый самец, который учил мальчишков хорошему горилльему тону: как вспрыгнуть на спину животного или

человека, как бить в живот, как прокусывать шею, как ломать конечности. Он учил юношей также ходить на четвереньках, лазать по деревьям, бить себя кулаками в грудь и реветь, как ревут гориллы. Естественно, что ни грамоте, ни другим человеческим наукам мальчиков не обучали.

На торжественное открытие приехал сам господин Гориллиус. Он был все такой же и нисколько не изменился. Слава не вскружила ему головы. Голова его не была обременена заботами и политикой. Думали за него другие. Он лишь оставался вожаком своего неизмеримо выросшего стада. А это дело было для него привычным.

Он приехал в сопровождении своих приближенных: настоящих горилл из нижнегвинейского стада и лже-горилл, вроде малютки Ганса и отчаянного доктора Фрица. Гориллиус выступил, окруженный своими друзьями и телохранителями, перед выстроившимися юношами, которые стояли ровными рядами на четвереньках.

— Детеныши, — сказал господин Гориллиус, — человеческие детеныши! Вас здесь научат всему, что нужно знать молодым гориллам. Ну, конечно, полностью вы, жалкие киви-киви, не сможете уподобиться горилленышам, но в меру сил своих и способностей старайтесь забыть все человеческое, учитесь прыгать, бить, давить, кусать, кромсать... За каждую провинность вы будете получать затрецину. Ясно?

«Вместо всяких там песенок, сказочек и стишков, которым учили вас ваши жалкие родители, запомните и выучите одну песню:

Наши маленькие детеныши, скорее начинайте убивать.
И тогда вы будете достойны называться гориллами
И сможете выбрать себе самку по вкусу
И забавляться с нею, когда хотите.

И все хором подхватили этот рев, ибо, когда ревет вожак, его должно поддерживать все стадо. Господин Гориллиус с приближенными уехал, а юноши остались со своими обезьяньими надзирателями, чтобы успешно забывать свое

человеческое происхождение и превращаться в диких зверенышей.

Особняк Элизабет Пиккеринг сделался штаб-квартирой горилл. Надо сказать, что этот особняк вскоре превратился чуть ли не в центр столицы. Зная, что Гориллиуса поддерживает сам господин Хрупп, сюда нередко приезжали самые знатные горожане и многие министры из тех, для которых лишиться благосклонности господина Хруппа означало лишиться жалованья и наградных.

Гостей принимала обычно сама Элизабет. Гориллиус бывал в своей штаб-квартире не так уж часто. Большую часть времени он проводил с малюткой Гансом и отчаянным Фрицем в барах за коньяком и пивом или на рабочих окраинах в побоищах с людьми.

Ганс и Фриц сами стали похожи на горилл и очень этим гордились. Они перестали мыться, бриться, чесаться. Заросли жесткими и длинными волосами, в которых, естественно, завелись насекомые, совсем как у господина Гориллиуса. Одеты они были во все коричневое и преимущественно мохнатое. Волосы начесывали на лоб, чтобы лоб казался меньше. Изменилась и их походка. Подражая гориллам, они стали ходить сутулясь, размахивая спущенными книзу руками, иногда они становились на четвереньки и рычали совсем как их учитель.

Приблизительно так же выглядели и другие последователи Гориллиуса. Они так старались быть похожими на горилл, что многие из них перещеголяли настоящих зверей и в отношении непристойности, и в отношении кровожадности, и в отношении уродства.

Через несколько дней после торжественного открытия пансиона в голубой гостиной Элизабет состоялось небольшое совещание. Гориллиус упорно отказывался тратить время на совещания. Но Ганс и Фриц убедили его, что это совершенно необходимо. Тогда он согласился прийти, лег на ковер и заставил Элизабет и еще одну самку — подлинную гориллу — искать у него насекомых. Элизабет взяла свой черепаховый лорнет и уселась около своей соперницы. По-

ка они выискивали у него насекомых, он потягивал коньяк и дремал, совершенно не интересуясь разговором.

— Какая сумма нужна вам на предвыборную агитацию?
— спрашивал господин Хрупп.

Отчаянный Фриц назвал сумму.

— Не выйдет, скиньте половину.

Фриц скинул треть.

— Пишите расписку и получайте вексель... Итак, мы выставляем его кандидатуру. Но какая политическая программа?

— Ее все знают.

— Но все-таки?

— Хорошо, я скажу. Чтобы всем жилось хорошо, надо искоренить всех марксистов, в число которых входят все люди, любящие мыслить. Следовательно, первый пункт программы: бей и режь всех тех, кто хочет остаться человеком и не хочет превратиться в гориллу. Второй пункт программы: на пути к всеобщему счастью находятся только люди, радующиеся тому, что они люди. Следовательно, второй пункт нашей программы можно сформулировать так: бей и режь всех тех, кто хочет остаться человеком и не хочет превратиться в гориллу.

— Но так же сформулирован и первый пункт, — напомнил Ганс.

— Тем лучше, значит в нашей программе вообще всего один пункт.

— Коротко, а потому блестяще, — одобрил господин Хрупп.

— Итак, выборы уже назначены. Завтра же с утра мы начинаем нашу предвыборную агитацию... Вы не возражаете, господин учитель?

Учитель храпел, нежась и почесываясь.

— Нет, он возражать не будет, — уверенно сказал малютка Ганс. — Все будет в порядке. Да здравствует господин Гориллиус! Да здравствует наш вожак! Да здравствует наш учитель!... — прокричал он, но Гориллиус даже не проснулся.

Ему снилось, что его окружают джунгли. Он мчится с дерева на дерево к водопою, и за ним мчатся его самка и его детеныши. Но вот он слышит шорох и видит антилопу. Ноздри его расширяются, он бросается на нее сверху и... ах, как чудесно хрустят ее кости... И когда он раскрыл глаза и увидел пестрый ковер, камин и Элизабет, все показалось ему противным. Ему захотелось в джунгли, в лесную чащу. Он понял, что горилла не рожден, чтобы жить в городе. Ему не нужны ни ковры, ни камин, ни черепаховые лорнеты. И он решил — надо или уйти обратно в тропический лес или... превратить эти обжитые человеческие места в джунгли.

Партия последователей Гориллиуса развернула предвыборную агитацию. Двери знакомого нам бара раскрылись. Пошатываясь от выпитого коньяка, вошел господин Гориллиус со своими двумя друзьями. Их сопровождали обезьяны из нижнегвинейского стада. Все столики уже были заняты коричневыми людьми. Коричневых было много, так много, что мест за столиками не хватило и некоторые сидели на стойке, на бочках, а многие — прямо на полу. Только один столик был оставлен незанятым для господина Гориллиуса. Вошедшие уселись за него, налили по кружке. Отчаянный Фриц, взяв в руки кружку, встал и сказал:

— Обезьяноподобные! Совершаются исторические минуты. Или наш учитель должен стать членом правительства, или мы разгромим всю эту нашу проклятую родину. Обезьяноподобные! В наших жилах струится обезьянья кровь. У нас обезьяньи повадки и обезьяньи страсти. Доколе ж мы будем терпеть власть голотельных людишек? — И он с силой бросил на пол опорожненную кружку и стал колотить себя кулаками в грудь, чтобы вызвать ярость окружающих.

Тогда все стали просить выступить Гориллиуса. Он долго не соглашался, но его уговорили, и он сказал очень короткую речь:

— Ах, как приятно проломить кому-нибудь череп! Хох-хох-хох! — закончил он свою речь нечленораздельным рыком, и всем присутствовавшим это так понравилось, что все хором повторили: — Ах, как приятно проломить кому-

нибудь череп! Хох-хох-хох!... — и, придя в ярость, бросились на улицу искать, кому бы проломить череп.

Толпой бежали они по темным ночным улицам и каждого встречного оглушали вопросом: человек или горилла? И если человек осмеливался признаться, что он человек, то оставался лежать с проломленным черепом. «Хох-хох-хох...» — дубинки и камни летели в зеркальные стекла витрин, и звон стоял над улицей.

Они вбежали на площадь, где стоял старинный музей, который являлся государственной сокровищницей замечательных произведений искусства. Через все окна и двери полезли в старинные расписанные залы гориллы и гориллоподобные коричневые люди. Прекрасные мраморные изваяния выбрасывались на улицу, топтались ногами, перекидывались от стены к стене, как камни. Гориллы срывали со стен старинные картины и рвали в клочья полотна, терзали их зубами, резали ножами, раздирали когтями и пальцами, будто желая отомстить им за всю их красоту, за всю их человечность, за всю их магическую силу.

И когда в музее остались только голые стены, которые не были сломаны только потому, что сломать их было не под силу даже разъяренным гориллам, толпа зверей бросилась через площадь к библиотеке. Как стая белых птиц заметались над площадью книжные листы. Вместе с полками, выломанными из шкафов, летели на землю толстые фолианты, свитки папирусов, тонкие брошюры, мелко испианные рукописи.

Кто-то облил их керосином, и посреди площади вспыхнул громадный костер, осветивший своим зловещим пламенем готические строения, с пустыми выбитыми окнами, с выломанными дверями, похожие на страшные черные черепа.

А в центре площади, вокруг костра, в котором корчились и обугливались бессмертные творения лучших мыслителей человечества, плясали коричневые люди, колотя себя в грудь и напевая модный фокстрот:

Оставим книжки мы, сломаем скрипки мы
И будем слушать, как бурчит живот!
Потом с ужимками, потом с улыбками
Набьем продуктами свой жадный рот!

Под утро на площадь явилась полиция. Офицер был, видимо, предупрежден, что здесь происходит предвыборная агитация. Составляя протокол, он обратился к гориллам с вопросом:

— Вы, конечно, были свидетелями, что музей и библиотека разграблены марксистами, желающими вызвать предвыборные беспорядки?

— Конечно!

— Так вам, господа, придется это подтвердить в качестве свидетелей на суде. Уж извините, ради бога, за беспокойство!

— Что вы! что вы! Ради интересов родины, мы всегда готовы! — отвечал доктор Фриц.

Но офицер наклонился к самому лицу Фрица и совершенно конфиденциально ему сказал:

— Только зачем вот вы, господа, на площади костер разожгли? Я понимаю, конечно, ночь сегодня прохладная, но, вы уж простите меня, я обязан вас оштрафовать на пять марок за несоблюдение противопожарных правил.

И вот господин Гориллиус стал членом верховного правительства. Его последователи неистовствовали от восторга. Вечером была устроена грандиозная, почти общегосударственная попойка.

Отчаянный Фриц составил текст радиопередачи, которую передали все радиостанции от имени нового члена правительства:

«Так как, став членом правительства, я шутить не стану, то сегодняшней день пусть является праздником для всех горилл и гориллоподобных. Поэтому нам, гориллам и гориллоподобным, надо веселиться. А всем людям надо сегодня печалиться. Так что пусть все те, кто будет сегодня веселиться, отберут все вино от тех, кто будет сегодня печалиться»

литься. Сегодня наш праздник, гориллушки! Это говорю вам я, ваш вожак, ваш учитель, ваш господин Гориллиус!»

Это обращение очень многим понравилось. В этот вечер были разграблены все магазины, пивные, рестораны и квартиры тех, кто не хотел примириться с горилльей властью. Вино лилось рекой. Казалось, половина города утопает в вине. А другая половина в крови. И трудно сказать, чего в эту ночь было больше пролито на землю напрасно: вина или крови.

Первое заседание нового состава правительства собралось к концу дня в громадном историческом зале. В этом зале в течение нескольких веков творилась история этой страны. Здесь подписывались мирные договоры, объявления войн, смертные приговоры и помилования. В течение многих столетий этот зал был как бы святилищем высокой политики. Здесь сидели цари и величайшие полководцы. Вдоль стен зала стояли белые гипсовые бюсты величайших людей страны.

Когда Гориллиус вошел в зал, ему не понравились эти бюсты, свидетельствующие о славной истории человечества, о богатом прошлом людей. Он пошел вдоль стены к трибуне. Проходя мимо бюста величайшего императора этой страны, он как бы случайно задел его плечом, и бюст упал на пол и рассыпался белой пылью. В невольном страхе все ахнули.

— Плохой это признак, — прошамкал один член правительства другому, — не хочет благословенный Карл видеть наше сегодняшнее заседание.

Между тем господин Гориллиус, подойдя к следующему бюсту — это был величайший национальный поэт, — скovyрнул и его. И опять грохот. И опять общий вздох и единодушное «ах» пронеслись по залу.

А Гориллиус шел дальше, неуклюже размахивая своими длинными лапами. Вслед за императором и величайшим поэтом был повержен на пол и разбит вдребезги величайший полководец. Его участь разделил и величайший философ.

Своротив еще четыре бюста, господин Гориллиус добрался до своего места и сел, окруженный своими обезьяньими и обезьяноподобными телохранителями.

Первым взял слово министр внутренних дел господин фон Мамен.

— Господа, — начал он читать по бумажке речь, к которой долго готовился. — Господа! Мы открываем первое заседание нашего правительства в его новом составе в дни, каких еще никогда не было в нашей стране. Никогда еще, господа, наша страна не знала такого порядка и покоя, как в нынешнее время. Вы все знаете, господа, что наша мудрая политика, заключающаяся в том, чтобы никому не перечить и ни во что не вмешиваться, привела к своим блестящим результатам. В результате нашей мудрой политики народ сам кое-как разобрался во всех делах и сам, своими силами, разрешил все конфликты. Все стали жить мирно и дружно, искренне желая сбросить все лишнее, чем наделила нас многовековая история человечества, и заимствовав все лучшее от наших дорогих и высокоуважаемых предков обезьян.

«Я лично, господа, не полностью разделяю убеждения господина Гориллиуса. Я, например, считаю, что даже если в моих жилах течет и не только обезьянья кровь, то я все-таки имею некоторое право на существование... Однако такие абсолютно теоретические расхождения не мешают мне видеть, что господин Гориллиус и его уважаемые последователи делают чрезвычайно полезное дело тем, что борются с марксистами и всякими людьми, которые слишком много думают, потому что наукой установлено, что чрезмерное увлечение мыслью и размышлениями подрывает устойчивость государственности. Поэтому, господа, разрешите от имени членов правительства прежнего состава выразить горячее приветствие и радушно «добро пожаловать» нашему дорогому господину Гориллиусу, который стал нашим дорогим и многоуважаемым коллегой».

Вслед за ним волей-неволей пришлось выступить господину Гориллиусу. Он начал свою речь со ссылки на предыдущего оратора.

— Хотя предыдущий оратор, министр фон Мамен, и лебезил передо мной, как муха перед аллигатором, но все-таки я должен сказать тебе, старая медуза, и вам, черепашии дети, что я был гориллой, гориллой остался и всегда буду гориллой. И сколько бы вы ни лебезили передо мной, но я буду стараться, чтобы таких вот, как вы, людишек не осталось на земном шаре. И вообще мне совсем не нужны никакие там правительства, дворцы и столицы. Я хочу жить в джунглях, вы слышите меня, жалкие тапиры? Я хочу прыгать с ветки на ветку, бегать на водопой, и вообще вы ни черта не поймете, потому что вы не гориллы, а вонючие струпя на хвосте носорога. Вот что я вам скажу, а кому это не нравится, может убираться, пока мы ему не проломили череп.

С правой стороны, где сидели гориллы и гориллоподобные, слышалось довольное урчание. Элизабет оборачивалась во все стороны, подхватывая каждое слово Гориллиуса:

— Ах, он сказал «сучьи дети», ах, он ведь прав — зачем нам правительства, дворцы и столицы? К чему? Как хорошо было бы жить в джунглях! Ах!..

На скамьях левых поднялся было шум, но господин Гориллиус быстро откинул ногой свое кресло и прыжком бросился к шумевшему. За ним бросились его приближенные и телохранители из нижнегвинейского стада.

И весь зал поднялся на ноги.

В каких-нибудь несколько минут шумевшие были перебиты. Затем была устроена поименная переключка присутствующих, и те, которые, по словам Гориллиуса, даже вопреки своему желанию не могли стать гориллами, были выгнаны из зала и заперты в тюрьмы. В историческом зале остались только одни гориллы и гориллоподобные. Зал приобрел рыжевато-коричневый оттенок. Все оставшиеся поднялись с мест и завели свой страшный, яростный рев:

Нам ничего не нужно,
Кроме крови тех, кого мы не любим,
А не любим мы никого и ничего,

Кроме вкусных плодов
И наших самок.

Переворот совершился, друг читатель.

Когда гориллы остались одни, малютка Ганс подошел и обнял Гориллиуса.

— Ну, учитель, теперь ты стал вожаком такого стада, которое тебе и не снилось. Ты теперь вожак целой страны, и надо тебе начинать писать декреты.

В это время за толстыми стенами дворца шли грабежи, погромы, убийства.. Всякому хотелось пожить за чужой счет, свести личные счеты, отомстить, захватить, отравить, — тем самым доказывая свою принадлежность к гориллам.

Первый декрет гласил:

«С сегодняшнего числа объявляю себя вожаком всего стада, с правом чинить без суда и следствия расправу со всеми людьми. Единственным средством наказания за всякие проявления человечности является растерзание с проломлением черепа..

Поручаю Гансу вести дела с границей.

Поручаю доктору Фрицу следить за тем, чтобы нигде и ни под каким видом никто не проявлял бы человечности.

Элизабет Пиккеринг объявляю верховной, неприкосновенной ни для кого самкой и вменяю в ее обязанность ежедневно в послеобеденное и предполуночное время выискивать в моей шерсти насекомых, за что ей государство ежемесячно выплачивает жалованье в размере жалованья бывших министров.

Гориллы из нижнегвинейского стада частично назначаются моей личной охраной, а частично из них составляется батальон ударной ярости, который должен служить примером для всей моей гориллоподобной армии.

*К сему приложил лапу вожак и верховный горилла,
господин Гориллиус (Хромой)».*

Второй декрет сообщал:

«Только горилля кровь благословенна. Правом занятия государственных должностей обладают лишь те из людей, которые не умеют читать и писать, не имеют никаких талантов, в чьих жилах течет не меньше 85 процентов обезьяньей крови. Для определения процента содержания обезьяньей крови будет выработана особая инструкция.

Лица с содержанием обезьяньей крови ниже 50 процентов, к которым относятся все люди, занимающиеся умственным трудом, кастрируются. Лица же с содержанием обезьяньей крови ниже 30 процентов, к которым относятся все люди, обладающие какими-либо человеческими талантами — физически уничтожаются посредством растерзания с проломлением черепа».

Третьим был подписан декрет о переустройстве страны. Он начинался так:

«Подлежат немедленному уничтожению все города, университеты, театры, школы, кинотеатры, издательства и прочие человеческие учреждения. Подлежат немедленному уничтожению все создания человеческих рук, кроме тех, которые служат для войны и нападения.

Объявляется план скорейшего превращения нашей страны в дикие и девственные джунгли. Согласно этому плану, наряду с разрушением городов проводятся грандиозные работы по заболачиванию местностей и насаждению деревьев, трав и кустов. В целях населения джунглей дикими зверями — приказываю раскрыть клетки всех зоологических садов и выпустить на волю всех содержащихся в них диких зверей.

В целях улучшения человеческой породы и наибольшего приближения ее к зверям — приказываю: раскрыть двери всех тюрем для уголовников и выпустить на волю приговоренных за убийства, грабежи, насилия, растление малолетних, кровосмешение и проч. и проч.

Я призываю горилл к тому, чтобы в кратчайший срок полностью превратить нашу страну в джунгли — это является планом-минимум. Наш план-максимум — превратить в джунгли все захваченные людишками земли».

Декреты были опубликованы и с большим энтузиазмом встречены всеми гориллами и гориллоподобными.

Все, еще чувствовавшие себя людьми, были брошены в тюрьмы и в особые лагеря или убиты. Наиболее трусливые молчали о том, что они еще чувствуют себя людьми, и старались хоть внешне напоминать горилл. Кто хотел почитать книгу, уцелевшую от обыска и уничтожения, — делал это тайком, поздно ночью, занавешивая окна. Кто хотел послушать музыку или поиграть на скрипке — уходил далеко в лес, и только убедившись, что поблизости никого нет, тихо водил смычком по струнам. А некоторые играли в кровати, под одеялом. Стоило звукам музыки достигнуть чьего-нибудь слуха, как музыканту грозило растерзание.

Гориллы власти запрещали людям любить друг друга, произносить речи, думать, учить детей чему-нибудь иному, кроме приемов борьбы. О чтении и письме и говорить не приходится. Эти проступки карались как государственное преступление.

Специальные комиссии определяли процент обезьяньей крови, текущей в жилах каждого человека. Элизабет Пиккеринг, например, удалось доказать, что еще ее бабушка страдала кретинизмом, а отец был даже неспособен окончить школу. Так же, как Элизабет, и все другие последователи горилл искали в своих предках признаки зверств и дегенеративности.

День, когда новые декреты вступили в силу, был последним днем человеческого прогресса и первым днем превращения цивилизованных стран в джунгли.

Рано утром был разрушен старинный собор, представлявший собой замечательный памятник древней архитектуры и хранилище старинных высокохудожественных фресок. Две бомбы, сброшенные с самолета, разрушили здание до фундамента.

Самолеты полетели дальше. Восторженными криками приветствовала толпа гориллоподобных разрушение консерватории. Как только одна стена здания обрушилась под действием сброшенной бомбы, в то время как туча пыли и дыма вырвалась из расколотого здания наружу, — внутрь,

на развалины, бросилась туча коричневых людей и стала доламывать то, что еще уцелело.

Пока шло разрушение города, громадная толпа горилл и гориллоподобных собралась в зоологическом саду. Ровно в полдень к воротам зверинца подъехала вереница автомобилей. Из первой машины вышел господин Гориллиус с Элизабет, малюткой Гансом и отчаянным Фрицем. Они прошли мимо клеток и взобрались на трибуну, специально приготовленную для торжества. Затем Гориллиус, который уже начал несколько привыкать к произнесению речей, коротко, но выразительно прорычал:

— Звери! Кончилась власть людей! Вы свободны! Людей вам больше бояться нечего. Пусть теперь люди боятся вас. Но остерегайтесь горилл! Вы видите, что гориллы покорили людей. Это значит, что мы являемся самыми сильными, грозными и яростными зверями на свете.

И с этими словами он дал знак прислужникам раскрывать клетки. Все люди разбежались кто куда. Не составили исключения и Элизабет с Гансом и Фрицем. Они забрались в одну из пустых клеток с табличкой «Макаки» и следили оттуда, из-за железных прутьев, за тем, как звери воспримут неожиданную свободу.

Звери же, завидев, что клетки их открыты, сначала недоверчиво прижались к прутьям, потом выскочили, и сразу же тигр остановился, изогнув спину и грозно зарычав. Лев приготовился к прыжку. Но и гориллы не зевали. Они столпились вокруг Гориллиуса, и тот прорычал:

— Будет дело, будет забава. Эй, гориллушки, обезьянушки, не подкачайте!

Затем он издал грозное воинственное рычание. С яростным ревом гориллы напали на диких зверей, и звери, после долгой неволи утратив свою былую ловкость, силу, находчивость, не смогли выдержать этой яростной битвы и в страхе разбежались, поджав хвосты, как простые собачонки или котята.

Несколько дней после этого в самых неожиданных местах люди встречали то тигра, то медведя. Столица еще не успела сравняться с землей. И странно было видеть, как по

проспекту через трамвайные пути шествовал неуклюжий медведь. У одной бедной женщины, жившей на втором этаже, жирафа стащила из открытого окна ее скромный ужин. Ночью то здесь, то там раздавался звериный рык и слышались предсмертные вопли людей.

Эти ночи были очень страшными. Люди боялись выходить из дому. Город был погружен в темноту. В темноте бродили по остаткам улиц дикие звери, выпущенные из зоологического сада, да бандиты, убийцы, насильники, выпущенные из тюрем. В воздухе пахло дымом. Отблески пожаров озаряли небо.

На этом кончается история завоевания господином Гориллиусом власти и начинается другая история, которая, собственно говоря, и составляет предмет моего описания.

Глава шестая

ДЖУНГЛИ

На всех биржах мира была паника. Рынки сбыта катастрофически сокращались. Акции целого ряда предприятий катастрофически падали. Зато росли акции военно-промышленных предприятий.

Бумаги предприятий господина Хруппа стали чуть ли не самыми ценными. На них наживались, создавая миллионные капиталы.

Паника охватывала страну за страной, континент за континентом. Паника охватывала города и села. Возникали легенды о коричневой чуме, которая воцарилась в одном из наиболее культурных государств и распространяется во все стороны.

Из страны, которая стала называться Центральными Джунглями, за границу поступали лишь самые скудные сведения.

Большинство иностранных корреспондентов не пожелали отказаться от своих человеческих предков и традиций и были изгнаны из страны. Все местные жители, умеющие хорошо писать, были сочтены непригодными для проживания в джунглях и также подверглись гонению: изгнанию — в лучшем случае, растерзанию — в худшем.

Остались в стране только такие журналисты, которые надели коричневые рубашки. Но эти существа, согласно горилльим законам, усиленно старались разучиться читать и писать.

Короче говоря, писать за границу о положении в джунглях было почти некому. Поэтому за границу проникали лишь небольшие и сухо изложенные заметки, такого, примерно, содержания:

«В долине бывшей Манбургской провинции закончено разрушение трех небольших городов, тридцати двух сел и шести больниц. Сейчас в этой долине из восемнадцати го-

родов остался только один, который подвергнется разрушению в ближайшие дни».

«Гориллоподобный, бывший господин Грохт, изобрел новый способ разбивания головы камнем. Способ этот заключается в том, что нападающий подбегает вплотную к своей жертве и не бросает камень, а просто ударяет камнем по ее голове».

«Сегодня на холме бывшего города Мейнц на Гарне закончено разрушение последнего здания — городского морга. Больше город не существует... На месте бывшего города бродят дикие звери и озверевшие люди».

Надо признаться, что эти лаконичные заметки в основном довольно верно передавали суть жизни в джунглях. Один за другим разрушались города, страна покрывалась густыми, труднопроходимыми лесами, которых никто не вырубал, не расчищал и не культивировал. На месте прежних городов отдельными стадами и стаями жили гориллы и гориллоподобные, устраивая себе логова на ветвях деревьев, питаясь плодами и свежим мясом задранных жертв.

Отдельными островками среди необъятного океана леса были сильно укрепленные форты. Эти форты занимали большую площадь и были обнесены высокими стенами. Между стенами помещались крупные военные заводы, аэродромы, танкодромы, газобежища, подземные жилища для людей, которые, не желая стать гориллами, целый день обязаны были работать у станков и машин на заводах, а ночь проводили в подземных тюремных камерах. Не было в фортах только казарм для солдат. И само понятие «солдат» в понимании горилл несколько отличалось от людского понимания.

В Джунглях каждый самец был солдатом. Единственной обязанностью каждого гориллы было — по первому требованию вожака выступить со своим стадом туда, куда ему прикажут. Весь день горилл проводил в охоте на другие живые существа. И эта охота считалась делом государственной важности, так как являлась непрерывным военным обучением и военной подготовкой всего горилльего стада.

Эта особенность расценивалась гориллами как наивысшее достижение внутренней политики и военного мастерства. В любой момент Джунгли могли выставить такую армию, численность которой равнялась всему наличному мужскому составу населения Джунглей.

Господин Гориллиус вместе с верховной самкой, бывшей Элизабет Пиккеринг, и своими ближайшими помощниками — бывшим малюткой Гансом и бывшим отчаянным Фрицем — жили в густой роще, рядом с громадным фортом, в котором помещались крупнейшие военные базы, несколько военных заводов Хруппа и громадное количество самолетов, танков, пушек с обслуживающими эти виды оружия гориллоподобными.

Квартира Гориллиуса и Элизабет помещалась на разветвлении толстой ветки старого дуба. Над веткой был сделан навес из сучьев и хвороста. Правда, Элизабет сумела украсить со свойственным ей изяществом и этот девственный уголок природы. Она умолила Гориллиуса разрешить ей сохранить из своей прежней обстановки наиболее ценные для нее вещи.

К коре дерева она прикрепила зеркало и утром гляделась в него. А вечером, когда Гориллиус возвращался с охоты, со смотров и объездов своей территории, она садилась около него, закутанная в свое обезьянье манто, приставляла к глазам черепаховый лорнет и начинала, нежно урча, выискивать насекомых в шерсти своего возлюбленного.

Иногда в холодные и дождливые дни она несколько страдала от недостатка комфорта, но зато ночи, даже самые холодные и дождливые, сторицей вознаграждали ее за спартанскую жизнь.

Малютка Ганс совсем превратился в гориллу. Он покрылся такой густой и кудлатой рыже-коричневой шерстью (рыжей от природы, коричневой от грязи), что ему теперь и не требовалось носить коричневую куртку, так он стал похож на гориллу. Отчаянный доктор Фриц перещеголял самого Гориллиуса своей звериной яростью. Он научился убивать корову одним прыжком на ее спину, а человека поджидал на ветке дерева, с размаху бросался на него свер-

ху и в одно мгновение проверенными движениями душил его.

Малютка Ганс, выполнявший функции министра иностранных дел, ненавидел иностранных послов. Они оставили в целости свои особняки, которые теперь нелепо торчали, как башни, посреди обломков и развалин бывших городов и девственного молодого леса. Они очень любили протесты, ноты и меморандумы, которые Ганс ненавидел, так как писать и читать он старательно разучивался.

Новое правительство, созданное Гориллиусом, было по душе господину Хруппу. Оно обеспечивало ему ежегодный прирост капитала не ниже, чем на двадцать процентов. Сам он жил, конечно не в Джунглях, он жил в Париже, в прекрасном особняке на Елисейских полях.

Иногда он приезжал на родину (один, конечно, без жены), чтобы посетить свои заводы и дать инструкции своему правительству. Его заводы процветали. Заказчиком господина Хруппа было все гориллье стадо. Конкурентов у Хруппа не было. Верховный горилла чувствовал себя столь обязанным этому господину, что любого его конкурента мог съесть почти буквально и почти живьем. Так что между Хруппом и Гориллиусом поддерживались самые дружеские, даже, я бы сказал, фамильярные отношения.

Один раз господин Хрупп подъехал на своем «Паккарде» к самому жилищу Гориллиуса.

— Эй ты, там, верховный, слезай-ка! Встречай гостя! — закричал он и, чтобы было слышнее, еще два-три раза нажал грушу сирены.

Из ветвей выглянула голова Элизабет.

— Господин Хрупп? — гостеприимно спросила она своим простуженным и огрубевшим голосом. — Милости просим.

— Слишком большой милости. Как же это я к вам поднимаюсь без лифта?

— Ах, господин Хрупп, какой вы плохой сын своей родины, неужели до сих пор вы не отказались от своих человеческих привычек и все такой же изнеженный?

— Где хозяин, матушка? — спросил Хрупп, вместо того чтобы пускаться с нею в политические споры.

— Господин Гориллиус сейчас спрыгнет. Он еще потягивается.

И действительно, почти сразу же за ее словами Гориллиус спрыгнул на землю и, зевая, стал почесываться спиной о кору сучковатого ствола.

Хрупп присел на ступеньку своей машины, весело потирая пухлые ручки.

— Ну, так как же, преуспевает наше гориллье государство?

— Видишь!.. — с удовлетворением сказал Гориллиус, обводя рукою вокруг и указывая на лесные чащи.

— Так вот что, батенька, я тебе скажу, — оживленно заговорил господин Хрупп, — не кажется ли тебе, что у вас тут слишком тихо, а твое стадо готово к большим боям. С твоим-то зверством, да с яростью ты без труда можешь завоевать весь мир. Уж поверь мне! А я, тем более, слышал, что в граничащем с Джунглями государстве люди страшно завидуют твоим гориллам, и не прочь бы превратить и свою страну в джунгли. А то сейчас там прямо чорт знает что делается. Рабочие предъявляют ни весть какие требования. Сокращай им рабочий день, подавай им социальное страхование. Ну, в общем, ты этого все равно не поймешь. Так что, братец ты мой, ты бы подумал да поговорил со своими. Я уже малютке Гансу все свои соображения рассказал, что к чему. Он хоть и стал гориллой, а соображает еще, как человек. Так что я спокоен.

Господин Гориллиус почесал левой ногой правое ухо и ответил:

— Да стадо мое рвется в бой. Это ты правду говоришь. Так что если надо тебе, чтобы мы подрались — со всем удовольствием. Мы это дело в два счета обделаем.

Малютка Ганс, отчаянный Фриц и Элизабет, каждый по-своему, но все в равной мере заинтересовались идеей Хруппа и одобрили ее.

Уже вечером Элизабет шептала Гориллиусу на ухо:

— Мой горилльчик! Если несчастный жалкий человечикко Наполеон Бонапарт завоевал всю Европу, то ты можешь завоевать и Европу, и Америку, и Азию, и Африку, и

Австралию. Ты можешь стать вожаком всего мира, верховным гориллой, почти богом.

— Учитель, — уговаривал малютка Ганс, — право, было бы неплохо утереть нос всем дипломатам, захватить дорогах соседущек. Поручи мне небольшую подготовку, и я тебе устрою такую драку, что ах, пальчики оближешь.

Но отчаянный Фриц знал лучше других, что нужно сказать Гориллиусу, чтобы зажечь его.

— Учитель, — говорил он, — как много еще непролитой крови есть за границами Джунглей. Гнусной человеческой крови! О, как я ее ненавижу! О, как хорошо проломить человеческий череп, сразу кровь начинает быстрее струиться по жилам и становишься сильнее и моложе...

Ноздри Гориллиуса расширились, и он готов был сейчас же, ни на минуту не откладывая, прореветь сбор всего стада и ринуться к границе. Однако надо было подождать.

Малютка Ганс никогда не был дипломатом, но много ль требуется от гориллы дипломата? Только то же, что требуется и от всякой гориллы: минимум уважения к другим, максимум уверенности в себе, а главное — наглость, наглость и наглость.

Началось все с того, что в соседней стране, которая была намечена первой жертвой гориллы стада Центральные Джунглей, однажды ночью из клетки зверинца был кем-то выпущен старый самец гориллы. И в ту же самую ночь из тюрьмы бежал человек, известный в уголовном и судебно-психиатрическом мире под кличкой «Кровавый Джек». Кровавый Джек прославился тем, что зарезал своего отца, мать, трех сестер, жену и двух своих малышей.

Эти два случая, на первый взгляд, никаких особых международных последствий не имели. Горилла, как предполагали, убежал в лес и, возможно, попал в Центральные Джунгли. А Кровавый Джек скрывался неизвестно где, и ему приписывались все убийства, которые по стилю и методам напоминали его, так сказать, «творческую индивидуальность».

Через некоторое время в известных кругах облюбованной Гориллиусом страны стали передавать из рук в руки изящно изданный томик. На его обложке было написано:

ВЕРХОВНАЯ САМКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЖУНГЛЕЙ
БЫВШАЯ ЭЛИЗАБЕТ ПИККЕРИНГ.
«МОЯ ЖИЗНЬ В ДЖУНГЛЯХ».

*Издание автора.
193... год.*

Эти мемуары так тонко и красочно передавали все прелести горилльей любви, что читателю сразу же становилось ясным, почему просвещенная Элизабет стала на путь превращения в гориллу, отказалась от своего человеческого достоинства и счастливо зажила горилльей жизнью.

Элизабет рассказывала, как великий мудрец господин Гориллиус открыл ей цель жизни и как она нашла наконец свое «я» в примитивной горилльей жизни и с радостью сожгла свой дом, библиотеку, ноты и теперь живет на дереве, одетая в коричневое манто и воспитывает горилльих детенышей в зверином духе на дело дальнейшей борьбы за обезчеловечивание мира.

Эта книжонка сначала вызывала в обществе оживленные разговоры своей необычностью и экстравагантностью, затем в одной из зал столицы была устроена публичная лекция: «Мы гориллы и как мы хотим переустроить мир».

Вскоре оказалось, что в стране существует партия гориллистов, которая насчитывает двести тридцать четыре человека и одну настоящую гориллу. Председателем ее был старый самец, убежавший из зверинца, а секретарем — Кровавый Джек.

Стало известно, что двести тридцать четыре гориллоподобных обладают колоссальными средствами.

Через несколько дней гориллоподобные устроили погром в рабочем районе и утопили в реке двух старых музыкантов.

Страна обеспокоилась. Угроза превращения в джунгли стала реальной и близкой.

Правительство опубликовало специальное коммюнике, гласящее, что если партия гориллистов еще раз позволит себе устроить погром, то она будет запрещена. В ответ на это коммюнике гориллисты предъявили правительству ультиматум: если через двадцать четыре часа на улицу не будут выпущены все дикие звери, содержащиеся в зоологических садах, и все уголовные преступники, в коих течет наибольший процент обезьяньей крови, — то они, гориллисты, не отвечают за последствия.

Как это ни странно, правительство отвергло ультиматум. Но на следующий же день стало известно, что в Центральных Джунглях несколько стад горилл стянуты и здесь, у самой границы, охотятся и репетируют грозные бои. Тогда правительство не на шутку обеспокоилось и обратилось за помощью к другим странам, но было уже поздно.

Ровно в десять часов к зданию правительства подошли двести тридцать четыре члена гориллистской партии. Над ними колыхался плакат: «Присоединимся к Джунглям! Такова воля всех гориллоподобных нашей страны!»

И многим было непонятно, как это двести тридцать четыре гориллоподобных человека смогли разоружить двухсоттысячную армию, обстрелять здание правительства, занять телеграф, телефонную станцию, арсенал и вокзалы. Но это было непонятно лишь до тех пор, пока по городу не разнеслась весть, что многотысячное стадо горилл перешло границу и приближается к столице, пока над городом не появилась стая горилльих самолетов и не забухали первые бомбы.

Наутро еще одно европейское государство перестало существовать. Оно превратилось в так называемую Загорную возвышенность Центральных Джунглей.

Успех этого предприятия еще больше вскружил головы приближенным Гориллиуса. Они стали воображать, что эта первая победа горилл над иностранцами подняла их на необычайную высоту и теперь им уже обеспечено главенство над всем миром. Элизабет мечтала называться верховной

самкой мира. Отчаянный Фриц и малютка Ганс чувствовали себя самыми замечательными людьми на земном шаре.

Между тем Загорная возвышенность Центральных Джунглей стала совершать быстрый процесс гориллизации. И здесь, один за другим, разрушались города, музеи, университеты, библиотеки. Все пожелавшие остаться людьми — зверски убивались. Вся промышленность перешла в руки господина Хруща. Старый горилла-самец, убежавший из зверинца, стал теперь наместником господина Гориллиуса и быстро ликвидировал человеческую породу, превращая страну в настоящие дикие джунгли.

Празднуя победу над соседней страной, господин Гориллиус решил устроить грандиозный парад горилльих стад.

На этот парад были приглашены военные атташе и иностранные дипломаты, жившие в Джунглях. Они сидели на специально построенной трибуне, а гориллье население, не занятое на параде, разместилось на деревьях, обвесив ветви и сучья как грозди винограда.

На вершине высокого дерева появился господин Гориллиус в сопровождении своих неизменных друзей. Он встал на задние лапы и грозно зарычал. Перед ним на суку висел микрофон, и могучий голос его разносился по всему лесу, по всем джунглям, и по всему миру.

— Обезьянушки! — закричал Гориллиус. — Гориллушки, жалкие вы черепахи, раздробил бы вам слон хоботом череп! Мы одержали новую победу над жалким человеческим родом. Ширится территория Джунглей. И недалеко то время, когда все ближние и дальние страны превратятся в Джунгли. Так давайте же заведем наш воинственный рык, пусть его услышат во всем мире и поймут нашу силу и мощь!

И он первый затянул, а все гориллы и гориллоподобные подхватили уже известный нам воинственный гориллий рев. И под звуки этого яростного многоголосого рева из распахнутых ворот укрепленного форта вышли гориллы. Впереди шел батальон ударной ярости, составленный исключительно из горилл нижнегвинейского стада. Они шли на четвереньках, с оскаленными зубами, с пеной, сте-

кающей по острым клыкам, с огромными дубинками, зажатými в мохнатых кулачищах.

Вслед за ними шло стадо летчиков, стадо танкистов, артиллеристов и т. д. Эти стада состояли не из настоящих горилл, а из гориллоподобных. Они хором выкрикивали свои воинственные лозунги:

«Предоставим жалость глупым людям! Мы не умеем жалеть и в этом наша сила!»

— Крови, крови, крови! — командовали вожаки в такт шагам. — Крови, крови, крови!

Речь господина Гориллиуса и рассказы о горильем параде облетели весь мир, вызывая все большую тревогу и опасения. И эти опасения не были совсем напрасны.

Господин Хрупп богател буквально фантастически. Он поставлял оружие и все необходимое для войны многим странам. Чем больше государств боялось горилл, тем это было выгоднее господину Хруппу, потому что тем больше заказывали ему вооружений. Чтобы сильнее разжечь взаимное недоверие, как политик дальновидный, он пожертвовал довольно крупную сумму на создание и существование международной комиссии по разоружению. Представители всех государств сидели в этой комиссии и спорили о том, кто должен разоружаться первым.

Спор этот наверное никогда и не кончился бы, если бы не нашлось одно средней руки государство, которое вдруг возвестило всему миру: «Хорошо! Мы положим почин! Мы разоружимся первыми!»

Представитель этого незадачливого государства, страшно гордый и довольный собой, проехал прямо к господину Хруппу и заявил, что его государство отказывается от всех военных заказов.

— Как? — воскликнул господин Хрупп. — Так ваше заявление в комиссии не было лишь дипломатической уловкой?

— Конечно, нет, — уверял дипломат. — Мое правительство имеет самое искреннее намерение разоружиться, чтобы нашему примеру последовали и другие державы.

— Но вы же с ума сошли! — неистовствовал господин Хрупп. — Вас же слопают в два счета!

— Что вы, что вы, господин Хрупп, — уверял его дипломат. — Я получил заверения крупнейших мировых держав, что нас никто пальцем не тронет, иначе ему придется иметь дело с этими державами.

— Вы просчитаетесь, уважаемые! — негодовал Хрупп. — Вы идиоты, милостивый государь. Короче говоря, если вы не понимаете человеческого языка, то я вам скажу прямо: вы не будете разоружаться, наоборот, я, господин Хрупп, заставлю вас вооружаться так, как вы еще не вооружались... Мои гориллы... — Но на этом он осекся и, чтобы не сказать лишнего, торопливо выбежал из своего кабинета, оставив дипломата наедине с его испугом и с его растерянностью.

Так вот в этом несчастном государстве, вздумавшем разоружаться первым, в маленьком провинциальном городке, существовало городское училище, о котором никто за пределами этого городка никогда не слышал. Однако именно эта школа вскоре стала известна во всем мире. Трое мальчишек четвертого класса этой школы, прослышав о гориллах и джунглях, вообразили себя гориллами-искателями приключений и отказались готовить уроки и посещать школу.

Родители шалопаев не придали этому факту особого значения и, отдув своих мальчишек, приказали им выкинуть дурь из головы, готовить уроки и идти в школу. Но политика это политика, и никакие шлепки не могут остановить вращение колеса мировой истории.

В местной газете появилась статья в защиту шалопаев:

«В наше цветущее время можно отлично прожить без ученья, — говорилось в статье. — Пусть они действительно лучше учатся драться, потому что господин Гориллиус, который никогда не изучал даже грамоты, сделал неплохую карьеру, да и вообще стоит напомнить про горилл из Центральных Джунглей, которые закрыли все школы и сожгли учебники, что, однако, не мешает им расширять свое государство за счет некоторых соседних государств».

В другой местной газетке, в ответ на эту статью, появилось письмо, написанное группой учителей. В этом письме учителя весьма наивно доказывали, что ученье свет, а неученье — тьма.

Но дискуссия на этом не закончилась. В ответ на письмо учителей, на второй странице газеты появилась статья, доказывающая, что поговорка о свете и тьме устарела, а на четвертой странице маленькая заметочка сообщала, что группа учителей, написавшая письмо, вечером была избита неизвестными.

Через некоторое время дискуссия о мальчиках, не желающих посещать школы, захлестнула всю печать, в том числе и столичную. Страсти разгорались. Местные приверженцы горилл потребовали закрыть в стране половину школ, утверждая, что школы это рассадник знаний, мешающих гориллоподобным юношам развивать свои природные звериные наклонности.

Тогда правительство поставило вопрос о школах на обсуждение парламента. Парламент большинством ста двадцати трех против трех отверг требование о закрытии половины школ.

Вскоре правительство получило ноту из Центральных Джунглей, подписанную малюткой Гансом. В этой ноте говорилось, что высокоуважаемое правительство не может не знать, что в его стране живет немало людей, желающих превратиться в горилл... «Но законы вашего уважаемого правительства, — говорилось в ноте, — препятствуют им в этом. Поэтому вождь и верховный горилла Центральных Джунглей господин Гориллиус заявляет вам свой протест и просит вас, как дружественное соседнее государство: 1) закрыть 60 процентов всех школ; 2) разрушить три старейших университета; 3) уничтожить половину имеющихся в стране книг; 4) издать закон, запрещающий родителям принуждать детей посещать школы!»

Получение этой ноты внесло растерянность в правительственные круги. На следующий день стало известно, что Джунгли, в подкрепление своей ноты, проводят на границе

охоту и маневры нескольких стад горилл, совсем как это было перед захватом Загорной возвышенности.

Между тем в зоологическом саду умерла старая больная самка — горилла по имени Матильда. Вдруг взяла да и померла: закашлялась, зачихала, задергалась и вытянулась на полу своей клетки.

— Ага! — закричали в один голос гориллисты. — Замучили обезьянку! Это выпад! Это демонстрация! Вы объявляете войну гориллам? Хорошо! Гориллы смогут отомстить вам за свою бедную сестру, павшую жертвой человеческого произвола и измученную в черной неволе.

Похороны Матильды превратились в мощную демонстрацию гориллистов. Сотни гориллоподобных людей шли за гробом, усыпанным цветами.

На кладбище были доставлены пышные венки из Джунглей. Громадный венок был прислан от имени господина Гориллиуса. На другом венке, сделанном из живых хризантем, была трогательная надпись: «Сестре по духу, от верховной самки, бывшей Элизабет Пиккеринг».

У могилы состоялся митинг. Гориллоподобные ораторы говорили:

— Матильда должна быть отомщена! Она требует мщения! Сердце гориллы и гориллоподобного не снесет такого оскорбления!

Вдруг, растолкав толпу, к импровизированной трибуне пробралась настоящая мохнатая горилла. Она вскочила на дерево, стоящее около могилы, и заревела:

— Гориллоподобные! Матильда будет отомщена! За мной, ко дворцу правительства. Гориллы стада уже перешли границу! Гориллы самолеты уже подлетают сюда! За мной! За господина Гориллиуса, за Джунгли, вперед!..

Забыв про Матильду и не засыпав могилы, все устремились к центру города. Там уже шло разрушение. Гориллы самолеты сбрасывали бомбы на университеты, музеи, больницы, правительственные здания. Гориллы самолеты сбрасывали бомбы в места наибольшего скопления людей. К небу вздымались столбы дыма, и зарево пожара освещало город необычайным багровым светом. Вскоре на окраи-

нах города раздалось страшное слово: газ... По улицам бежали бледные люди в поисках газо-убежищ. Они бежали пошатываясь и затем медленно прислонялись к стенам, судорожно закрывая руками лица, но смерть настигала их, и они оседали на панели, посиневшие с выступившей изо рта пеной.

Наступила ночь. Город был объят пламенем. Одна тревожнее другой приходили телеграммы из пограничных районов. Громадные стада горилл двигались по направлению к столице. Смятение и ужас наводил на пограничные войска батальон ударной ярости.

Так началась война, страшная и кровопролитная. Смелый народ не хотел покориться гориллам и решил защищать свою родину до последней капли крови.

Эскадрильи гориллных бомбардировщиков непрерывно бомбардировали укрепления, возведенные людьми на правом берегу реки. Но люди возводили их снова и снова.

Тогда гориллы пустили в ход свои танковые части и артиллерию. Танки двинулись к реке, сметая артиллерийским и пулеметным огнем все живое, находящееся на их пути. Они успешно форсировали реку и двинулись на окопы. Но люди выскочили из окопов и бросились навстречу танкам. Они бросали гранаты под гусеницы, засовывали горящую паклю во все отверстия, и танки не могли продвинуться вперед и даже вынуждены были отступить.

Измученные, но обрадованные хоть некоторой победой, люди приготовились к новой горилллей атаке. Но эта атака началась раньше, чем они предполагали. И началась она совсем неожиданно. Совсем с другой стороны, из густого леса, еще не занятого гориллами, раздался страшный вой и треск. Это не был грохот канонады. Это не был грохот мчащихся танков. Это не был топот лошадей и крик людей. Это был звериный яростный вой без мысли, без смысла, без значения, рвущийся изнутри и выражающий только безграничную ярость.

Громадными прыжками, с дерева на дерево, то спускаясь на землю и пробегая по ней несколько шагов, то цепившись рукой за ветку и вновь взвившись в воздух, как

неистовый ураган, как неуловимая лавина, мчалась на людей стая яростных и свирепых горилл. Они были ослеплены своей яростью и не видели ни дорог, ни рвов, ни воды. Их нес их звериный инстинкт.

Эти дьяволы не бежали по земле, а прыгали на высоту деревьев. Каждую секунду их положение в пространстве менялось. Люди открыли беспорядочный огонь, но не прошло и нескольких секунд, как гориллы обрушились в окопы на головы мужественных бойцов.

Нетрудно себе представить, как ведет себя стадо диких, обезумевших от ярости зверей, когда оно дорвется наконец до крови. Звери рвали зубами и когтями человеческое мясо, ломали их спины, руки и ноги, раздробляли головы ударами кулачищ и жадно лакали алую горячую человеческую кровь.

Гориллым танкам здесь делать было больше нечего. В окопах лежали груды сломанных костей, оторванных от раскромсанного мяса, обрывки одежды, обломки ружей и пулеметов.

А звери, предоставив шакалам доделывать их страшное дело, бросились дальше, к ближайшему городку.

Это был тихий провинциальный городок, веками погруженный в покой и невозмутимость. Сейчас город был похож на вымерший. Мужчин в этом городе не было. Все находилось на фронте. Женщины, старики и дети попрятались по домам, закрыли ставни, заперли двери на засовы и замки.

Как тайфун пронеслось стадо по пустынным улицам. Но не встретив ни одного живого существа, гориллы стали выбивать двери и окна домов, врываясь в жилища людей.

И только тогда, когда не осталось в городке ни одного бьющегося сердца, они повернули обратно и такими же стремительными прыжками помчались в глухой лес, к границе Джунглей.

Территория Джунглей расширялась. Она захватывала район за районом, и беспомощная народная армия не имела возможности приостановить наступление коричневой чумы.

Гориллы укрепились в мысли о своем всемогуществе, и наглость их возросла еще больше. Вестники джунглей появлялись то тут, то там. Уже нередко можно было встретить на улицах крупнейших городов в нейтральных странах джентльменов, расхаживающих в коричневых рубашках цвета гориллшей шерсти.

И так как единомышленники господина Хруппа предпочитали власть горилл власти народа — то, нет сомнения, дорогой читатель, что мир ожидала страшная участь.

Уже одно за другим стали рушиться и исчезать с лица земли государства, захватываемые гориллами, и в тех странах, где гориллоподобные еще не успели соорганизоваться и еще издавались газеты, люди, вставая по утрам, первым делом торопились прочесть свежие сообщения о новых областях, обращенных гориллами в первобытное состояние.

Но на этом, к счастью, и кончается история горилльею владычества и начинается другая история, которая, собственно говоря, и составляет предмет моего описания...

.

Здесь обрывается рукопись, переданная мне лейтенантом К. Последние строчки рукописи написаны торопливым, неровным почерком, свежими чернилами.

На полях имеется приписка: «Сегодня получен приказ. Гориллоподобные влекут меня и моих товарищей на Восток. Они готовятся к гигантскому прыжку, не понимая, что там их ждут клетка и смерть».

Об авторе

Давид Яковлевич Дар (Рывкин) родился 11 (24) октября 1910 г. в С.-Петербурге. После окончания семи классов школы работал слесарем на Балтийском судостроительном заводе и учился в Техникуме печати. С 1929 — журналист. Работал в газетах Ленинграда, Москвы, Карелии, Урала; по заданию редакций побывал в Сибири, Заполярье, на Дальнем Востоке.

Во время Второй мировой войны командовал взводом отдельного разведбатальона на Ленинградском фронте, получил тяжелое ранение в боях за «Невский пятачок» и был представлен к наградам. Первая книга, фантастическая повесть «Господин Гориллиус», вышла в свет в первые месяцы войны (подписана к печати 19 августа 1941). В 1944 г. вышла книга «Рассказы о боевых товарищах». В 1948 г. вступил в Союз писателей.

После войны Д. Дар женился на писательнице В. Пановой (его пасынком был известный в ленинградских неофициальных кругах писатель Б. Вахгин). На рубеже 1950-х гг. организовал ЛИТО при ДК Профтехобразования, которое вскоре приобрело популярность среди молодых поэтов и прозаиков; пользовался легендарной известностью в Ленинграде как наставник и покровитель неофициальных литераторов. В 1960-х гг. активно выступал в защиту А. Солженицына, И. Бродского, против засилья «социалистического реализма».

В числе опубликованных Д. Даром в СССР сочинений — две книги о К. Циолковском: «Повесть о Циолковском» (1948) и «Баллада о человеке и его крыльях» (1966). Также были изданы «Камень на камень» (1959), «Богиня Дуня» (1964); в соавторстве с А. Ельяновым (Алексеем Емельяновым) — «10 000 км на велосипедах» (1960), «Там, за поворотом» (1962), «За Кук-Карауком» (1963), «Прекрасные заботы юности» (1972); совместно с Вяч. Паперно — переработка для детей романа Г. Мелвилла «Моби Дик» (1968). Одновременно произведения Д. Дара — рассказы и краткие прозаические размышления, зачастую нарушающие все жанровые каноны — широко распространялись в самиздате.

В 1977 г. под нажимом КГБ Д. Дар эмигрировал в Израиль; перед отъездом вернул властям боевые награды и членский билет Союза писателей. В Израиле продолжал писать (в 1980 г. вышла небольшая книжка «Исповедь безответственного читателя»), участвовал в работе зарубежных русских издательств. Умер в Иерусалиме 16 сентября 1980 г. от сердечного приступа.

Повесть Д. Дара «Господин Гориллиус» публикуется по первому изданию (Л.: Советский писатель, 1941).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.